

А. Панков

По следам Василия Ерошенко

«Когда историки молчат —
создаются легенды».

И. Эренбург

Кисловодск, 2003

Предисловие

Многие события начинаются с простой случайности, так часто подстерегающей нас на каждом шагу. Подобное произошло и с автором этой книги после его знакомства с одним незрячим. Кстати, он часто будет фигурировать в данном повествовании, о чём хочется предупредить дорогого читателя.

Руководитель эсперанто-кружка [А.И. Масенко](#) как-то заметил, что у нас в стране самым известным русским писателем, творившим на эсперанто (и потому его знают во многих странах), был Василий Яковлевич Ерошенко. А когда он добавил, что Ерошенко еще сочинял и на японском языке, бывал во многих странах Европы и Азии и при этом сам был незрячим, то всех просто заинтриговал.

— Анатолий Иванович, — спрашиваю, — где можно прочесть его произведения и о нем?

— До недавнего времени его знали только эсперантисты. Но года четыре назад, а именно в шестьдесят втором году, в Белгороде издан сборник "Сердце орла", где, кроме сказок и стихов, есть о нем очерк и воспоминания. У меня эта книга имеется.

— Очень хотелось бы с ней ознакомиться!..

И Масенко предоставил мне эту возможность. Так был дан толчок к дальнейшим поискам всего, что связано с Ерошенко. И я с удовольствием приглашаю всех в мои путешествия по следам, оставленным этим удивительным Человеком с большой буквы.

1. Начало всех начал — Обуховка.

На календаре — 1970 год. Мой шустрый и верный "Запорожец", не обращая внимания на полуденный зной, с честью выполняет свое дело. Главная цель: из Старого Оскола в Обуховку. Рядом, на переднем сиденье — Нина Яковлевна Андриевская, младшая сестра Василия Яковлевича Ерошенко. Вчера я был гостем у нее и у старшей сестры Нионины Яковлевны Сосуновой, живущих вместе в Старом Осколе.

Мы о многом поговорили. Я узнал ряд подробностей из жизни Василия Ерошенко, сделал несколько фоторепродукций с семейных снимков. Среди них особенно ценными оказались с их родителей.

И вот теперь мы с Ниной Яковлевной направляемся в Обуховку, как бы навестить Василия Яковлевича в его последнем пристанище и вечном успокоении.

И ещё нам очень хотелось увидеть его бюст, недавно присланный односельчанам [Н.В.Блажковым](#), скульптором из Одессы.

Дорога в Обуховку идет из восточной части Старого Оскола. Пересекаем сонную реку Оскол сначала по удобному мосту, потом по другому, под

которым поблескивают железнодорожные рельсы. Выбравшись из пыльной окраины, плохонький асфальт сворачивает на юг, и в открытое окно машины врывается свежий воздух полей и перелесков.

Моя спутница испытывает заметное переживание от встречи с близкими сердцу местами и, конечно, предалась воспоминаниям.

— Да, мне частенько приходилось ходить по этой дороге пешком. Особенно, когда училась в старооскольской гимназии. Этот проселок мерил шагами и Вася, если не было попутной телеги...

На половине пути — мост через реку Убля. Слева за косогорами виднеются то один хутор, то другой. И вот въезжаем в лес, обдающий нас приятной прохладой. Красавицы-сосны так и приглашают размяться. И перегревшийся "Запорожец" сходит на обочину.

Обуховский лес! Его шепот, смолистый аромат и заливные трели обитателей когда-то были усладой поэта-скитальца!..

Теперь вот нам легко представить всю прелесть этого леса. Прохаживаясь возле машины, Нина Яковлевна продолжала свой рассказ об Обуховке и прошлой жизни в ней.

— Хотя город был за пятнадцать верст от нас, селение до революции называлось слободой, так как жили здесь в основном ремесленники. Причина этому простая: земля вокруг — песок и для хлебопашества непригодна. Ближайшие села и хутора были в таком же положении, но в каждом были свои традиционные ремесла.

В Обуховке жили кожевники и тряпичники. Одни занимались выделкой кож, а другие собирали и перепродавали утиль. Женщины выпекали бублики для продажи в городе.

— И как же здесь жилось людям? - спрашиваю рассказчицу.

— Слобода считалась богатой, и жителей было гораздо больше, — певуче отвечала Нина Яковлевна. — Жили с неплохим достатком, хотя земледелием и нельзя было прокормиться: выручали ремесло и торговля.

Но время не ждет. И мы выезжаем из прохладного лесного полумрака. Внизу, как на ладони, широко раскинулась Обуховка. У самой околицы замечаю километровый столб с отметкой "16".

Я скептически оглядываю старое и полупокинутое село. В этот мой первый приезд оно было еще в своем почти первозданном виде, и не узнать его было через двадцать лет, во второй мой приезд — совсем захиревшее. А тогда на первый взгляд ветхие дома разбросаны в полном беспорядке, и между ними, как плещи, — пустыри. Только по дорогам да изгородям как-то угадываются улицы...

Под колесами — мягкий, сыпучий песок, и приходится переходить на вторую скорость. Вот что значит песок!

Нина Яковлевна просит остановить машину. Выходим. Она объясняет:

— Это — центр. Вон там — возвышенность. Слева — новое здание, клуб. Рядом, совсем невзрачное — филиал школы. Здесь раньше была церковно-приходская школа. А на том месте, где сейчас сельская библиотека, стояла деревянная церковь. Этот же выгон, справа, был базарной площадью, где часто устраивались ярмарки... Как раз напротив был наш дом.

Правда, тот старый дом с лавкой, где мы все дети родились, сгорел в двадцатом году, а новый, в котором умер Вася, уже недавно разобрала и перевезла племянница Вера Ивановна Сердюкова в Старый Оскол.

Это тот дом, что сейчас на улице Восьмого марта. После ее смерти дети продали его, а сами уехали... На месте же, где была наша усадьба, я вижу остались только вот эти два огромных тополя. В последний мой приезд сюда их было три, а в старое время - четыре...

— Расскажите подробнее о родителях, — прошу.

— Они одного года рождения, тысяча восемьсот шестьдесят шестого, но выходцами были из разных мест. Яков Васильевич из села Чернянка, теперь город, райцентр.

Население в нем — хохлы. В дальнейшем Вася отлично владел украинским языком, и многие друзья считали его украинцем. Особенно на этом настаивала писательница Надия Андрианова-Гордиенко (15.12.1921- 1998), но все мы числимся русскими.

Мама наша, Евдокия Васильевна, в девичестве — Семькина, русская, из Старого Оскола. Сейчас это райцентр, соседствующий с Чернянским районом.

После женитьбы родители поселились в Обуховке. Были они крестьянами, но хлебопашеством не занимались. При этом у отца была лавка. Кроме мелкой торговли он вёл коммерческие дела с графом Орловым-Давыдовым, владельцем всех окрестных лесов. Отец у него покупал на корню лес, организовывал его рубку и распиловку, а при продаже имел на этом какую-то прибыль. Поэтому имел возможность дать детям хорошее образование.

В 1920 году случился у нас пожар, сгорел дом и другие дворовые постройки. При спасении имущества отец получил сильные ожоги рук и шеи, чуть было не погиб, и остался жив только благодаря народному лечению — пролежал в подвале сорок дней!..

Потом дом, конечно, построили новый, но уже без магазина при нем. Кто был бедным, часто из-за пьянства, те стали ненавидеть зажиточных и делать им всякие пакости и разорения. Родители подозревали поджог усадьбы...

В 1932 году он вместе с женой покинул Обуховку, чтобы, видимо, избежать репрессий и голода. Приехали они в Орджоникидзе (теперь опять — Владикавказ) к сыну Александру. Потом они жили в г. Иваново-Вознесенске, а перед войной вернулись в Обуховку, где отец умер в 1947 году в возрасте восьмидесяти одного года. Мама занималась домашним хозяйством, я — детьми. Ведь их было семеро! Мама умерла в 1942 году от испуга, когда в Обуховку вошли немцы. Сердце не выдержало. В селе добрую женщину все называли "баба Доня".

— Как сложилась судьба детей?

— Самая тяжелая, конечно, у Васи. Вы уже представляете ее: вчера много говорили... Он был у родителей третьим ребенком, старшей "няньке" шел тогда только третий год, сыночек Шура начал уже говорить, ему два, а как раз под Новый 1890 год в колыбельке появился Вася. По новому стилю теперь значит 12 января 1890 года. Имя ему дали в честь двух дедушек.

Старшую Нионилу отправили учиться на фельдшера в Москву, где за нею присматривал и помогал материально Вася. Проработала она почти полгода фельдшером в городе Грозном, где находился тогда брат Александр, и ее зимой 1924 года приняли в мединститут как имевшую уже практику в медицине. В течение пяти лет, пока она училась, Вася посылал ей ежемесячно по двадцать рублей. После замужества ее фамилия — Сосунова, детей у нее не было. В последнее время она долго работала в селе Холодная Балка близ города Макеевка. В 1953 году она ушла на пенсию и вскоре поселилась в Старом Осколе.

Александр, рождения 1888 года, в семье его звали Шурой. Он закончил Харьковский сельхозинститут. В 1920 году его направили в 8-ю армию, и он оказался в ее частях под Грозным, а потом в Орджоникидзе. Потом он служил в Средней Азии, где и погиб в 1941 году. Его жена Фаина с двумя детьми в последнее время жила в Одессе.

Четвертым ребенком была Пелагея, по мужу Шаповалова. Она родилась через два года после Васи, а умерла в год смерти отца. Жила она все время в родительском доме. Ее дочь Вера Ивановна Сердюкова тоже продолжала жить в этом доме. Она была учительницей начальных классов в Обуховке. Она и схоронила своего дядю Васю.

Но после этого переехала с двумя детьми в Старый Оскол и перевезла туда дом, хотя и продолжала еще работать в Обуховской школе. После ее смерти дочь Алла Георгиевна Лактионова самовольно продала дом. Забрав все деньги себе и не поделившись ими со мной и Нионилой, она уехала с мужем в Североморск, где он служил на флоте.

— Следующим в семье Ерошенко была Маша. Родилась она через пять лет после Поли. Эта та, у которой вы были в Харькове, по мужу ее фамилия — Безуглая. Она окончила

гимназию, но профессии не имеет, никогда не работала: рано вышла замуж, муж ее и обеспечивал. Дмитрий Васильевич — инженер-химик, профессор Харьковского политехнического института. Там он уже двадцать пять лет заведует кафедрой аналитической химии. У них две дочери, уже замужние: Наташа Сидоренко живёт в Минске, и Галина Маношина — в Киеве.

— Да, Галину я видел у Марии Яковлевны. Красавица!.. И кто же из детей следующий?

— В 1900 году родился мальчик Ваня. Он оказался у нас беспутным парнем, учился в ремесленном училище и не окончил его. Говорил: "И так не пропаду. Буду торговать". Бросил семью, жену Марию с двумя девочками, и укрывался от алиментов. После войны был судим и сослан. Вскоре его отпустили, но он остался где-то на Севере, может быть, аж в Якутии. Наверное, завел новую семью. Мы ничего определенного о нем не знаем.

И, наконец, самая младшая — я, Нина Андриевская, 1902 года рождения. С мужем разошлась, есть сынок Юра. Я всю жизнь — бухгалтер... О себе уже вчера говорила.

Нина Яковлевна, видно, разволновалась, закурила сигарету и умолкла. А я представил её трудную жизнь из ее вчерашних воспоминаний за угощением меня с бутылкой вина. Оказался неожиданным гостем, привезшим привет от их сестры Марии. Нина Яковлевна, по ее словам, - самая любимая сестра Василия Яковлевича. Он с ней общался больше всех, всячески помогал в трудных житейских ситуациях. Она получила такое же хорошее образование, как и Мария, окончив гимназию. Затем по приглашению Александра приехала в станицу Горячеводскую около Грозного, где он устроил ее воспитателем в детский дом. В 1929 году жила во Владикавказе, потом на Сахалине. Затем — в Моргуновке под Кушкой, где по приглашению Василия Яковлевича была бухгалтером в его школе. Это было для меня приятной новостью в биографии Василия Ерошенко. Покинула она Моргуновку по причине, что надо было учить сына Юру дальше, а средней школы там не было. Пришлось кочевать дальше: Астрахань, Грозный и вот в последнее время — Макеевка, и теперь присматривает Нионилу, наведываясь в Старый Оскол, где у них вместе куплена кооперативная одна комнатка, в которой я их застал.

Моя встреча оказалась своевременной и весьма полезной. Я переснял у них ряд важных фотографий, а многочисленные факты прошлого, как семейные предания, легли в основу нескольких статей и настоящего повествования. Собранным материалом я щедро поделился с А. Харьковским, А. Поляковским и японским писателем Такасуги Ичиро, написавшими о В.Я. Ерошенко свои книги.

2. Детство. Школьные годы.

Быстро проходят летние дни, и долго тянутся короткие, зимние. Грибы и ягоды в лесу, песок на дороге, речка Котел, что отделяет с юга слободу от хуторов Гатавью и Бабаненко, да еще голуби в небе над церковью - все это бесхитростные радости для детишек летом. Зимой же — звонкий смех на пригорках, с которых катятся салазки, и круглые ледянки. Дети растут, как грибы в барском лесу, что раскинулся вокруг. Но случается и болеют. И тогда что Бог пошлет: или сами поправятся, или помрут. Скорее последнее, как говорили: "Бог дал и Бог взял".

Начало 1894 года. Стояла лютая и вьюжная зима. По хатам бродит беда под названием "корь". Маленький Вася весь в огне и лопочет что-то непонятное.

— Видно, не жилец, — вздыхают родственники, пришедшие попрощаться с мальчиком. Сестра Евдокии Васильевны, матери больного ребенка, уговаривает родителей разрешить ей сносить дитя в церковь:

— Ведь если помрет, то как же без причастия? Да так скорее Бог поможет ему выжить.

Как ей не противились, все же настояла на своем. Завернула как следует беднягу, перебежала дорогу и была в церкви. А там шла служба, и пришлось долго ждать. Внутри тоже пробирает морозец: храм не отапливается.

После причастия скорей в хату и ребенка на русскую печку к другим детям.

Надо же отогреть озябшего. Затих бедненький. А потом как закричит:

— Ой, глазки. Больно! Ничего не вижу!

Кинулись к нему. Посмотрели, а глаза вытекли, пустые. Вот и судьба! На всю жизнь только и запомнил Василий Яковлевич, по его словам, лицо матери, голубизну неба и голубей над церковью. А последнюю возненавидел, считая ее как бы виноватой в своей тяжелой жизни.

Темненьким звали Васю сверстники. Но светловолосый и курчавый мальчик не унывал, старался не отставать от товарищей. На реке Котёл, тогда более многоводной и с "ямами", ему не было равных. Пропадая там летом целыми днями, он чувствовал себя в ней, как рыба в своей стихии. Никто не мог сравниться с ним ни в плавании наперегонки, ни в нырянии с одного берега на другой.

Однажды летом он играл в песке на дороге. Целый городок выстроил. Увлёкся и не услышал, как из-за угла соседнего дома прямо на него мчалась тройка рысаков.

В коляске сидел сам граф Орлов-Давыдов, владевший всеми окрестными лесами и землей. Вдруг кони со всего размаха встали, как вкопанные. Важный граф чуть было не вывалился из экипажа. Уже накинулся с бранью на кучера, но тут увидел слепого мальчика перед мордами умных лошадей и смутился.

— Ты чей? - Спросил парнишку граф.

— Ерошенко, — Робко отвечал перепуганный Вася.

— Этого лавочника?

И, не дожидаясь ответа, крикнул:

— Позвать его сюда!

Явился отец. Граф подал ему руку. Он хорошо знал этого торговца с курчавой бородкой. Ведь они частенько делали общую коммерцию.

— Девять лет ему, говоришь? Надо бы учиться, — продолжал граф разговор с отцом. — ты ведь человек не простой, грамотный! Должен понимать.

Знаю я одного отставного полковника. Он сейчас ведаёт в Москве приютом, где обучают слепых детей грамоте, музыке и ремеслам. Я могу и протекцию написать.

И это решило в какой-то мере судьбу Василия. Пришло письмо из Москвы. Видимо, отцу было недосуг оставить свои дела. И в июле 1899 года с ближайшей станции Голофеевки Евдокия Васильевна, провожаемая многими домочадцами и родней, села в вагон третьего класса. Почтовый поезд повёз их на север, в далёкую Москву.

Так сёстры Василия Яковлевича поведали подробности о начале жизненного пути своего братца. К сожалению, кроме дат слепоты и поступления в московский приют для слепых детей нет письменных подтверждений детства будущего писателя. И это дало повод для многих измышлений.

О школьной жизни даёт представление очерк самого В.Я. Ерошенко "Страничка из моей школьной жизни" ("Unu pagxeto el mia lerneja vivo").

Порядки в приюте, представлявшем по-теперешнему школу-интернат, были довольно строгие. Школа эта "была закрытого типа, отрезанная от всего мира, — пишет Василий Ерошенко, — учащимся не разрешалось ни выходить из неё после занятий, ни возвращаться в родительский дом на каникулах. Мы всегда были под контролем учителей".

Наказания в заведении были довольно либеральными по тем временам. В классе их никогда не били, а за "глупые вопросы" как своего рода провинность заставляли стоять и даже ставили на колени. За более же серьёзную "вину" могли оставить без обеда или даже ударить рукой, как был случай с самим Ерошенко, за отставание из строя во время похода в баню и за его разговоры с нищим, которого он со своим товарищем, неким Лапиным, принял за важного господина.

Его именует Ерошенко "князем ночи". Описанные эпизоды с важным китайским сановником и дядей самого Николая II, посетивших приют, как и встреча с нищим, научили Ерошенко на всю жизнь во всем сомневаться.

В этом вышеуказанном автобиографическом очерке он пишет: "...ночь научила меня прежде всего сомневаться во всем и во всех. Она научила меня не верить ни одному слову наших учителей, ни одной фразе каких бы то ни было авторитетов".

Другие приняли жизнь на веру, успокоились, обзавелись семьями, а Ерошенко говорит о себе: "ничего не достиг и брожу, сомневаясь во всем и во всех, из страны в страну, и кто может сказать, что в один проклятый день я не стану в темном углу шумной улицы, как тот князь ночи, и не протяну руку прохожим за подаянием?"

Этот очерк написан в Шанхае, в самый трудный период жизни Ерошенко, период полный пессимизма в своей судьбе, когда он зарабатывал на свой горький хлеб, массируя женщин. И еще в начале очерка Ерошенко сетует, сравнивая жизнь слепого американца Хоукса со своей: "...тоскуя всегда по природе, я вынужден был всегда жить в шуме таких больших городов, как Москва, Лондон, Токио и так далее. В шуме и гуле этих городов ночью я не мог слышать звезд, поющих вместе, ночь не учила меня через природу познать Бога".

Однако вернемся к поиску и расследованиям автора данного повествования.

Город Прохладный - один из райцентров Кабардино-Балкарии, бывшая казачья станица. Там проживал один из односудьбинцев Ерошенко — Михаил Павлович Кислов. И я отправляюсь туда целой компанией: с А.И. Масенко и его женой.

М.П. Кислов хорошо знал Василия Яковлевича, главное же — учился в том же самом московском приюте на Второй Мещанской улице и хорошо помнил тогдашние там порядки, учителей!..

Без особых приключений мы добираемся до Прохладного, небольшого сельского городка с двухсотлетней историей. Бывал я здесь еще до войны. Теперь же его трудно узнать, разве что в старом центре, где находится церковь, да еще у железнодорожного вокзала, где немного покружились на своей машине возле аптеки. Почти рядом с ней и находился нужный домик.

Михаил Павлович с супругой встретили нас приветливо, как старых и близких друзей. Ничего удивительного: ведь мы уже переписывались, а с А.И. Масенко они встречались раньше и знают друг друга.

Михаил Павлович моложе Ерошенко на девять лет. Выглядит еще бодрым и энергичным, несмотря на излишнюю полноту, солидную лысину и запорожские усы.

В Московский приют для слепых он поступил в 1909 году, то есть через год, как Ерошенко покинул это заведение, но там всё еще оставалось таким, как прежде: те же порядки и те же учителя. Свои обстоятельные воспоминания Михаил Павлович начал издавека:

— Почти все школы для слепых в старой России содержались на средства так называемого Александро-Мариинского попечительства, основанного в 1881 году.

В Москве их школа была на Донской улице, и постановка дел у них была на немецкий лад. Школа же, где учился Василий Ерошенко, была от Московского общества призрения и обучения слепых детей. Половина средств для нее давала Городская Дума, а вторую половину составляли пожертвования купечества.

Школа находилась тогда на Второй Мещанской улице (ныне улица Гиляровского), дом 6, рядом с церковью Андриана и Наталии.

Примерно на том же уровне, но уже на Первой Мещанской было построено новое здание школы (ныне проспект Мира, 13 - переименована в память о молодежном фестивале 1957 года). А на первоначальном месте сейчас ничего нет: ни дома, ни церкви, выстроен многоэтажный дом...

Обучение в школе было пятилетним: один год — подготовительный класс, затем четыре класса начальной школы. После этого ученики еще оставались в этом приюте в течение четырех-шести лет, совершенствуясь в ремеслах или музыке. Предельный возраст пребывания — двадцать один год. Наряду с образованием школа давала подготовку к трудовой деятельности, т. е. питомцы были довольно культурными людьми. Вместе с

Ерошенко, как он писал потом, учился даже выходец из баронской семьи по фамилии Лангоф. Всем внушали, что они "учащиеся благородной школы слепых"...

Обучение было смешанное. Из пятидесяти учеников примерно половину составляли мальчишки и столько же девочки.

— Интересно, какие в школе были порядки? Наверное, драконовские? — продолжаю расспрашивать.

— Это был интернат, конечно, "закрытого типа", по выражению самого Ерошенко.

Но нельзя забывать, что мы были слепыми детьми и в огромном городе, большинство из деревень. Ко многим приезжали родственники проводить. А старших, лет пятнадцати-шестнадцати, по договоренности с родителями, могли даже отпустить летом на каникулы. Кстати, Ерошенко за год до окончания школы был один раз дома в Обуховке...

— А как насчет наказаний?

— В школе никого не били. Но наказания существовали и зачастую тяжелые и унижительные. Например, всю ночь стоять столбом в канцелярии, или лишение обеда, особенно воскресного пирога. Ну, и всякие нагоняи, укоры...

Директором был Георгий Александрович Витте, человек очень грубый, отставной полковник, из немцев... Единственное, что в нем было хорошее: он любил шахматы и играл даже с учениками. В школе поэтому процветал некий культ шахмат...

— Михаил Павлович, а какой точно был распорядок дня? Не помните ли?

— Может быть, и удивительно, но всё знаю в точности. Подъем — в семь часов утра: умываемся, одеваемся, убираем кровати и ровно без четверти восемь собираемся в своей школьной церквушке. Молитва. Восемь ноль-ноль — чай.

Выдавали каждому по два кусочка сахара и ломтик белого хлеба. Правда, на столах был черный хлеб, его можно было кушать, сколько угодно! И многие налегали на него. Ведь впереди — четыре часа классных занятий!..

Уроки начинались без четверти девять и продолжались до обеда, в двенадцать двадцать.

В обед (да и вообще!) кормили скверно. Плохо готовили. В основном, это щи и жидкая, часто пригоревшая каша, гречневая или пшенная. Только по воскресеньям пироги.

После небольшого послеобеденного отдыха, с трех до пяти — трудовое воспитание.

С малышами — игры или так называемые фребелевские работы: изготовление лодочек из бумаги, фонариков... Уже во втором классе мальчишки делали сумки, гамаки, а девочки вязали носки. В старших классах обучали ремеслам, работали в мастерской. Это, конечно, изготовление корзин, щеток... С шести до семи вечера — время подготовки уроков. Выполняли домашние задания. Затем — полтора часа шло общее чтение художественной литературы. Это были самые интересные часы, очень важные для развития нашего кругозора.

— И в чем заключались эти чтения?

— Читали воспитатели. Один день — Иван Матвеевич Троицкий. Читал он приключенческую литературу: романы Жюль Верна, Майн Рида, Фенимора Купера...

Причем, очень выразительно, как артист. Я считаю, и это мое твердое убеждение, что как раз здесь, на этих чтениях, у Ерошенко пробудилась страсть к путешествиям, по себе знаю... И были случаи, что ученики старались убежать... в Африку! На другой день читал воспитатель Василий Ильич Ильин. У него мы слушали такие книги, как "Мертвые души" Гоголя, "Войну и мир" Льва Толстого, "В лесах" и "На горах" Мельникова-Печорского. Читал он тихим, спокойным голосом, но очень быстро.

Воспитатели и сами преподаватели, особенно в младших классах, следили за выполнением домашних заданий и сами читали нам книги. Были они по своим взглядам люди передовые. От них Ерошенко мог почерпнуть вольнолюбивые идеи. Но в школе большое место, конечно, занимало религиозное воспитание. Из всех двадцати четырех учебных часов в неделю четыре отводилось на изучение "Закона Божьего". В школьной церквушке мы пели, проходя полную практику так называемого церковного пения. Правда, и светское пение тоже в школе существовало. Обучали и музыке. Например,

Ерошенко в школе учился игре на скрипке. Музыка обучали нас артисты Большого театра, по два-три ученика каждый — бесплатно. Но за это такой артист-учитель потом получал золотую медаль. Поэтому из школы выходили хорошие музыканты.

Ерошенко учился очень хорошо: у него была прекрасная память. Его школьная кличка "Еролей" оставалась среди близких товарищей еще десятки лет.

Летом ездили мы на дачу в Останкино. Эти поездки были, разумеется, за счет пожертвований купцов.

— Михаил Павлович, не помните ли, какая в школе была программа? В каком объеме проходили предметы? — допытывался Анатолий Иванович, сам преподаватель математики в Кисловодской школе-интернате для слепых детей.

— Почему же! Помню. — продолжал свой неторопливый рассказ Михаил Павлович, — Предметная программа распределялась так: уже в первом классе изучалась отечественная история, от древних времен до монгольского ига. Уроки чтения проводились по хрестоматии Покровского, где был отрывок из рассказа Тургенева "Муму", многое из книг Аксакова. С первого класса учили наизусть стихотворения.

Был учебник с описанием природы. Интересным и весьма полезным был предмет, который назывался природоведением. На нем изучали Москву, ее площади по специальной рельефной карте города. Потому все выпускники очень хорошо ориентировались, могли ходить по Москве без провожатых и не заблудиться.

Во втором классе по отечественной истории проходили события от московских князей до Петра Первого. По географии изучалась Россия по учебнику Пуцковича, что продолжалось и в третьем классе. По литературе учили наизусть стихотворения и начинали писать изложения.

В третьем классе по истории изучали период от Петра Первого до Александра Третьего. По литературе — Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Никитина.

По математике — арифметика и уже довольно серьезно. Так, в четвертом классе проходили дроби, проценты. На последнем году обучения изучалась древняя история: Греция, Рим. А по географии — зарубежные страны.

— Вы, Михаил Павлович, упомянули, что еще в стенах школы Ерошенко был свобододолюбив и пропитан духом непокорности. Это же видно из его известных воспоминаний "Странички из моей школьной жизни". Вроде бы получается противоречие: воспитатели оказывали положительное воздействие, а сам Ерошенко пишет, что им вбивали расовые предрассудки, шовинистические понятия. Например, о китайцах, дескать, они — евреи Востока, больше всего любящие деньги, в погоне за которыми продают всё и вся. Как это можно объяснить?

— Никакого противоречия, — возражает Михаил Павлович, — общее воспитание, как и во всех школах царской России, было именно с налетом великорусского шовинизма. Но достаточно одного-двух воспитателей с передовыми взглядами, которых они хотя почти что и не высказывали, а держали как бы нейтралитет, и это уже положительно влияет на мировоззрение учеников. А книги, которые они читали! Тот же Фенимор Купер, Марк Твен! Вполне достаточно, чтобы стало ясно: все люди — братья. Черные, желтые, краснокожие — такие же люди и даже лучше многих белых...

Русская классическая литература — самая демократическая и свобододолюбивая. Достаточно одного знакомства с нею, чтобы быть почти революционером! Тем более, надо учесть казарменные условия в приюте, и естественно в нём вынашивается стремление к чему-то лучшему, к свободе...

И ещё. То было время, когда повсюду носился революционный дух, знаменитое время 1905 года. Перепуганный директор приюта запретил чтение всех газет! Этот запрет был снят только после начала войны в 1914 году, когда на страницах газет стал процветать ура-патриотизм и даже шовинизм.

— Конечно, Ерошенко всю жизнь был гуманистом и интернационалистом. А начало

этому явно заложено еще в школьные годы. Это видно из его воспоминаний. А еще какие примеры лично вы, Михаил Павлович, можете привести на этот счет?

— Ерошенко слыл в школе "сочинителем"... Даже мы, учащиеся, поступившие в приют после его ухода, слышали от старшеклассников о его таланте придумывать длинные сказки...

В школе исполнялась знаменитая "Фуга", стихи и мелодия которой принадлежат Ерошенко. Ее ноты есть, вероятно, у некоего Ивана Ключина, учившегося вместе с Ерошенко. Он живет в Москве. А слова я помню. Могу продиктовать:

Начинает весь хор:

"Трупы китайцев, трупы малайцев,
Трупы даяков, трупы англичан."

1-я часть хора:

"За что они страдали?"

2-я часть хора:

"За что их убили?"

1-я часть хора:

"Кто же желает смерти человеку?"

2-я часть хора:

"Сами они же."

1-я часть хора:

"Так вечная память!"

Весь хор:

"Вечное проклятье!.."

— Я думаю, продолжал Михаил Павлович, — Ерошенко выпустили из приюта в 1908 году раньше срока. Ведь в то время был "слишком вольный дух". И его начали всячески искоренять. Как бы Ерошенко не попал под колесо репрессий. Это вполне вероятно.

Дружеская и душевная беседа прервалась обедом и чаепитием. Михаил Павлович еще много говорил о своей жизни, о встречах и беседах с Ерошенко. На прощанье я сфотографировал гостеприимных хозяев вместе с супругами Масенко. Никогда не забудется эта теплая встреча. И горько подумать, что не прошло после нее и года, а милого Михаила Павловича Кислова не стало.

3. Юность.

Теперь трудно представить время почти столетней давности. Еще труднее было найти сотоварищей Ерошенко. При мне Зинаида Ивановна Шамина звонит И.Я. Ключину, однокашнику Василия Ерошенко. Печально отвечают: - Лежит парализованный...

Конечно, встреча с людьми, знавшими Ерошенко, дает обилие фактов. Но и стол, заваленный книгами и бумагами, повествует о многом. И весь этот бумажный мир шелестит, шевелится, как живые собеседники, перебивающие друг друга, спорящие и ошибающиеся, а зачастую выдумывающие небылицы. Но многие сообщают интересные факты и подробности.

Вот копия очерка Белорукова "Завод "Эмос". Она прислана из Ленинграда Эдуардом Яковлевичем Галвиным, старым большевиком, деятелем ВОС, замечательным собирателем всевозможных материалов о слепых. Много у него и ерошенковского. Он и сам писал о Ерошенко и даже встречался с ним.

А кто такой Белоруков? И что представляет его очерк? Вопросы вроде и не сложные, но ответить на них не просто. Оказывается, Александр Павлович Белоруков весьма известен среди незрячих как журналист и писатель, опубликовавший в 1940 году большую историческую повесть о слепых "Путиами веков". А главное, он школьный товарищ

Василия Ерошенко и вместе с ним играл в оркестре в ресторане "Якорь"!.. Здесь-то и начинал свою трудовую деятельность восемнадцатилетний Василий Ерошенко.

В очерке Белорукова подробно описана история создания уже в советское время первого промышленного производства, где начинают трудиться слепые.

А в предистории этого небывалого эксперимента дается яркая картина жизни слепых музыкантов Москвы в последнее десятилетие перед революцией.

Оркестры для выступлений в ресторанах были небольшими: от двух до пяти человек.

Молодой музыкант Василий Ерошенко был второй скрипкой в оркестре из пяти человек.

Первая скрипка — Павел Баринов, пианист — Иван Строкин.

И сам Александр Белоруков тоже играл вместе с ними. Об этом времени он говорит:

— Все мы тогда были молоды... Музыканты играли каждый день, но только по вечерам. Свободного времени было много. Жили в разных концах Москвы, но встречались между собой часто, и все друг друга знали.

Одной из трудностей в оркестрах было то, что подготовка музыкантов была разной. Поэтому слепые сами себя подразделяли на "мещанских" (выходцев из школы на Второй Мещанской улице), на "донских" и приезжих.

—В ресторане на Сухоревой площади, — продолжал рассказывать Белоруков, — играли вместе "донские" и "мещанские" — пятеро в большом зале и двое в малом. Пианист в малой зале был из приезжих. С репертуаром иногда случались недоразумения. Правда, музыканты умели их устранять легко, часто даже без репетиций, на слух во время исполнения. Все-таки разница школ чувствовалась, конечно, только для самих исполнителей. Другой ощутимой трудностью было разучивание репертуара, который у них доходил до пятисот номеров!..

Кстати, об этом впоследствии подробно говорил и сам Василий Ерошенко:

— Сложилось ошибочное мнение как среди зрячих, так и среди слепых, что слепой музыкант, поскольку дело касается легкой музыки ресторанов и пивных, стоит наравне со зрячими. Поскольку же дело касается музыки серьезного клуба, концертного зала и тому подобное — слепой музыкант должен уступать первенство зрячим.

На деле же оказывается совершенно противоположное. При разучивании серьезной музыкальной пьесы слепой музыкант и зрячий равны, разница лишь в том, что один ее учит глазами, другой руками, но от обоих требуется известная затрата энергии, времени и хорошей памяти. При разучивании легкой пьесы для ресторанов - картина совершенно меняется: в то время, как самый посредственный зрячий музыкант играет ее с листа, лучший слепой музыкант должен её разучивать так же, как и самую трудную пьесу, что при изучении, например, аккомпанемента представляется адской работой.

Да, Ерошенко приходилось задумываться и о своей судьбе музыканта, и о жизни своих односудьбинцев. Ненадежные заработки, зависящие от подачек посетителей ресторана и настроения хозяев... По молодости же хочется простора, чего-то нового, еще неувиденного и непознанного.

Есть версия, что одна учительница иностранных языков, часто приходившая вместе с мужем в ресторан "Якорь", как-то заговорила с Василием Ерошенко о том, что надо учиться дальше... А где? Как?

— В России вряд ли, — проговорила она, — А вот в Англии, например, есть специальные высшие учебные заведения для слепых!

И загорелся юноша мечтой. Участливые слова оказались зажигательной искрой.

Произнесла же их Анна Николаевна Шарапова, рьяная энтузиастка международного языка эсперанто. Она и самого великого Льва Толстого заинтересовала этим языком, и он уже через пару часов мог свободно читать и понимать текст на этом языке.

(А.Н. Шарапова (186.-192.), ее сестра Павла Николаевна вышла замуж за Павла Ивановича Бирюкова, помощника и близкого друга Л.Н. Толстого. - Примеч. А.М.)

Не мудрено, что она и Ерошенко поспешила "обратить в свою веру": эсперантисты все такие! У них есть всемирный союз, члены которого называют друг друга

единомышленниками. Конечно, они могли бы помочь и Василию добраться до туманного Альбиона и подняться на дальнейшую ступень образованности и культуры... Как и Лев Толстой, молодой музыкант за два месяца овладел эсперанто. Завязалась у него переписка с лондонскими эсперантистами, в основном, по вопросам овладения английским языком. Вскоре прибыла объемистая посылка — эсперанто-английский словарь, отпечатанный по Брайлю. Деньги от подачек в ресторане частично откладываются, а некоторую толику приходится тратить, чтобы один старый актер смог ему читать книги классиков литературы, среди которых были Пушкин, Чехов, Андерсен и Шекспир.

Для юноши, переполненного надеждой и энтузиазмом, наступает настоящая весна жизни, весна 1911 года. И немудрено, что заманчивую идею съездить на гастроли в Сочи часть оркестрантов встретила с радостью. А самый большой чемодан был у Василия Ерошенко. Ведь "фолианты" с недоученными английскими словами были весьма солидными.

Итак, первое путешествие — Кавказ! Горы и море, абреки и пираты — сплошная романтика! В действительности же — тихий и сонный, прелестно-нежный уголок.

Днем — пляж и ласковые волны. Вероятно, еще и небольшие вылазки в окрестные горы, занятия английским языком. А вечерами выступления в парке среди одурманивающих запахов множества цветов.

Вот только оркестр у них сводный (опять трудности с репертуаром!) да название его длинновато и... без романтики: "Слепые, хромые и безногие".

Так их именует и местная газетка "Черноморский край", повествуя в "Сочинской хронике" совсем немного: "Здесь (т.е. на Приморской улице) ходят на игру в парк слепые музыканты." Газета издавалась в другом городе, в Гаграх...

С окончанием курортного сезона музыканты отправились в родные места провести небольшой отпуск. Загорелый, радостный, с подарками прибыл Василий Ерошенко в родную Обуховку. Его сестра Нина Яковлевна вспоминала:

— Из Сочи Вася привез два красивых подсвечника из раковин. Они потом много лет были в доме большим украшением... А еще запомнились чудесные гостинцы: это были такие крупные, душистые и нежные груши. Мы, младшие его сестренки, были в восторге от этих поразительных груш и никогда их не забудем.

— Василий говаривал о своей поездке и лет двадцать спустя после этого, — вспоминала другая сестра Мария Яковлевна, — всё обещал с моей дочкой Талочкой съездить в Сочи, где много цветов. Он при этом добавлял: "В Сочи пахнут цветы, как нигде..."

Поздней осенью Василий Ерошенко вернулся в Москву и приступил к своим обязанностям в оркестре, одновременно стал усиленно готовиться к поездке в Англию. Откладывает каждую копейку из своего заработка. Но главная надежда — на приколотую зеленую звездочку, символ эсперантистов. Впереди предстоит пересечь всю Европу... вслепую! Молодость не очень раздумчива. Она нетерпелива, решительна, и мечта превращается в действительность.

4. В Англии.

Поездка в Англию задумана смело. Однако она таила и ряд непредвиденных трудностей, начавшихся еще на месте. По всем данным, шестого февраля 1912 года Ерошенко взял в оркестре шестимесячный отпуск. Многие считают, что он в этот же день и сел в поезд.

Но, по-видимому, возникла задержка с оформлением заграничного паспорта.

Царские чиновники могли учинить ему препятствия. Быть может, понадобились характеристики, ходатайства... Ведь это были времена столыпинской реакции. Одним словом, на хлопоты ушло еще две недели. Эсперантский журнал "Лингво интернация" дает более точную дату отъезда — девятнадцатое февраля.

Сведения о пребывании Василия Ерошенко в Англии весьма противоречивы. Выдумки журналистов невероятны. Одни утверждают, что он жил там несколько лет. Другие пишут, что вскоре после поступления в Королевский нормальный колледж для слепых русский студент был исключен из него по политическим убеждениям. Некоторые же припутывают сюда любовь.

Но опишем всё, как было на самом деле.

О своей поездке из Москвы в Лондон Василий Ерошенко впоследствии продиктовал подробный рассказ, опубликованный в журнале "Ла Ондо де Эсперанто". Поэтому лучше всего предоставить здесь слово самому двадцатидвухлетнему путешественнику:

— Сказав на вокзале в Москве свое последнее "прощайте!" провожавшим друзьям, слушая, как поезд напевает бесконечное "тра-та-та", я почувствовал, что началось нечто новое, дотоле неведомое. Странное беспокойство охватило мое сердце и овладело властно всеми моими мыслями, словно не всё было обдуманно, как будто что-то осталось забытым.

К концу дня — Варшава. Здесь Ерошенко впервые должен встретиться с одним единомышленником. Он мог бы помочь ему при посадке на поезд, идущий в Берлин.

Но, увы, эсперанто-эстафета дала осечку на первом же этапе... Хотя варшавский делегат Универсальной эсперанто-ассоциации дважды приезжал на Брестский вокзал, но почему-то встреча не состоялась. И юноша приуныл. Но Варшава была в пределах российской империи, и он смог преодолеть вставшие препятствия.

Зато с пересечением границы, в окружении чужеземцев с непонятным языком, тяжелые мысли и настоящий страх долго не дают возможности задремать.

— Что, брат, нервы заиграли? — спрашивает сам себя растерявшийся путник,

— Не надо ли взять себя в руки? Разберись-ка в своих чувствах!

И стал он обдумывать свое положение. Вспомнилось ему недавнее выступление француза Прива, который специально приехал к русским эсперантистам и на встрече с ними расписывал мечты о новом "эсперантском мире", призывал к сближению наций, взаимопомощи... и сам себя Ерошенко успокаивает, мысленно ведя беседу:

— Но разве ты не знаешь, что даже такие речи, какие умеет говорить господин Прива, и действительная жизнь не одно и то же?

— О да, я знаю это.

— Тогда не теряй рассудка и будь спокоен: Берлин уже недалеко.

На перрон берлинского вокзала Ерошенко вышел, уже не имея надежды на встречу с людьми из "эсперантского мира". Тем более, что было только шесть часов утра, сыро и холодно. Он думал, что прийти на встречу — подвиг, ожидать которого было бы просто жестоко.

— Но, Боже! Не сон ли это? — рассказывает Ерошенко, удивляясь.

— Я слышу свою фамилию. Слышу сердечные приветы, радостные восклицания.

Пожимают мои руки, спрашивают о здоровье и желают знать о всех подробностях моего пути. Зеленая звездочка сияла не напрасно!..

Встречали трое. И даже девушка! Правда, она вскоре ушла и мужская компания направилась в ближайшее кафе позавтракать. Отсюда Ерошенко написал первые письма в Москву.

— Что бы вы желали посетить в Берлине? — спросили у него новые друзья.

— Я попросил бы вас сходить со мной в Институт для слепых в Штейглице...

Это не близко. Пришлось добираться трамваем, на автомобиле, а где и пешком.

В институте встретили радушно.

— Нам позволили, — вспоминает Ерошенко, — обойти всё достопримечательное в институте: мастерские, классы, типографию, изделия слепых и т.п.

Один из заведующих давал нам надлежащие объяснения, которые переводились моими друзьями на эсперанто. Пять часов, проведенных путешественником в столице Германии, прошли с большой пользой для него. Жизнь слепых, постановка дела их

образования волнуют его больше всего. Этот интерес у него сохраняется на всю жизнь и в дальнейшем руководит многими его поступками и даже определенным образом влияет на судьбу. Около полудня "пятичасовые" друзья, как выразился Ерошенко, тепло расстались. Сердце отъезжающего было переполнено невыразимой благодарностью. Тем более, что мечта о новом "эсперантском мире" превратилась в явь. Эсперанто-путешествие успешно продолжалось. Из Берлина поезд к девяти вечера доставил необыкновенного пассажира в Кельн, где надо было до полуночи ждать другого поезда. И снова сердечная встреча. Кельнские журналисты пригласили Ерошенко на свое собрание, которое его просто восхитило:

— Какое радостное было это собрание! На более веселом я никогда не бывал!

Шутки, смех, речи, тосты — все это так и сыпалось, так и брызгало неудержимо...

Три часа пролетели точно три минуты! Нет, никогда не думал я, что время может лететь так быстро для меня, никогда не мог вообразить, что не знакомые раньше люди разных наций могут так быстро сдружиться.

Поезд тронулся, а за окном слышны голоса:

— Счастливого пути! Мы надеемся вас вновь увидеть!

— Благодарю, дорогие друзья, — думал Ерошенко под нарастающий стук колес, — но я не надеюсь вас снова увидеть: счастливый сон два раза не приснится...

Следующая пересадка была в Брюсселе. Извещения опоздали, и пришлось три часа сидеть одному на вокзальной скамье, ожидая утреннего поезда до французского города Кале. Но прежнего страха и неуверенности уже нет. Ведь теперь он "опытный", да и делает новое "открытие": носильщики и другие окружающие люди могут что-то понять из его эсперанто, даже впервые слыша этот язык. Это просто окрыляет! Когда в два часа дня поезд доставил его Кале, то и там Ерошенко прекрасно вышел из недоразумения со встречей. Его ждали на конечной остановке в Кале-гавани, а он вышел немного раньше, услышав, что поезд прибыл на станцию Кале. А это был городской вокзал.

Не растерявшись, Ерошенко с помощью двух носильщиков разыскал квартирку господина Пэрэна, в это время ожидавшего его на другом вокзале. Потом уж они встретились, и французы усадили Ерошенко на пароход, передав его на особое попечение капитану.

Трехсуточная поездка через Европу с ее напряжением и неудобствами третьего класса подходили к концу.

— Я очень устал и с трудом припоминаю конец моего путешествия, — продолжает свой рассказ Ерошенко, — но благородный голос дуврского эсперантиста господина Файнза, любезности, чашку чая с ним и его сердечные рукопожатия нельзя легко забыть. Он телеграфировал господину Блейзу (делегату в Лондоне), чтобы тот встретил меня. И мы расстались. В девять часов вечера я был у господ Блейз. И окруженный их заботами я мог хорошо отдохнуть.

Итак, вечером двадцать первого февраля цель чудесной поездки достигнута.

Эсперанто-эстафета доставила своего подопечного куда и требовалось.

Это путешествие было настоящим практическим достижением идеи и как бы живой рекламой эсперантскому движению. И эсперантисты постарались сделать для своего питомца всё необходимое и как можно лучше.

При въезде в Харьков с юга хороший ориентир города — Московский проспект. Довольно большая и благоустроенная магистраль с двухсторонним движением, посреди — бульвар и трамвайная линия. В одном из новых многоэтажных домов и живет Иван Яковлевич Бриль, пенсионер, бывший педагог, старый энтузиаст эсперанто. Я увидел его адрес в одной из статей о Ерошенко.

И вот состоялась наша встреча, знакомство и душевная беседа. Конечно, речь шла больше всего об эсперанто и его значении в жизни Василия Яковлевича Ерошенко. Сам Бриль является председателем эсперанто-организации при Доме ученых. У него

богатейшая библиотека книг и других изданий на эсперанто. С гордостью он показывает мне довольно редкую "Энциклопедию эсперанто", изданную в 1933 году в Будапеште, и открывает первый том со статьей, посвященной Ерошенко. Иван Яковлевич показывает и свои публикации о Ерошенко в газетах "Британский эсперантист" и "Герольдо де эсперанто". Так что в Англии известно о Ерошенко, хотя и не так хорошо, как на Востоке. Да, значение эсперанто в жизни Ерошенко было огромным. Этот международный язык дал возможность ему приехать в Англию и положил начало овладению многими языками как западно-европейскими, так и восточными.

За чашкой чая я разговорился с Иваном Яковлевичем Брилем о лондонском периоде жизни Ерошенко. Как он там жил? Чем занимался?

— Вначале, — говорит Иван Яковлевич, — Ерошенко, видимо, много занимается усовершенствованием своих познаний в английском языке, а потом ему удалось проучиться какое-то время в специальном колледже для слепых...

К сожалению, эти общие сведения давно известны. Но впоследствии всё же картина проясняется. Итак, по порядку.

На первых порах супруги Блейз приютили Ерошенко в своем вегетарианском пансионе. Хозяйка стала ему доброй матерью и "как самого маленького мальчика" начала учить хорошим манерам: как пить чай, разговаривать за столом... Например, за официальным чаепитием неприлично пить более двух чашек чая и съесть более двух пирожных или одно пирожное и один бутерброд... Надо полагать, что молодому человеку всё это пошло только на пользу. И впоследствии, лет двадцать спустя, многие в Москве даже удивлялись его воспитанности и красивым манерам.

Предоставим же слово самому Ерошенко:

— Десять дней я прожил у господ Блейз, и эти дни были самые счастливые из моей жизни в Англии. Господин Блейз и консул для слепых господин Меррик сделали для меня очень много: они нашли мне новых друзей, рекомендовали меня людям, которые так или иначе могли быть мне полезны, и, наконец, познакомили меня с господином Филлимором. Этот добрейший человек согласился учить меня английскому языку. Он подыскал мне комнату в английской семье, ввел меня в общество англичан-эсперантистов и во время всего моего пребывания в Англии он заботился о моих денежных делах и был для меня истиннейшим другом, о каком только я мог мечтать.

Интересны и другие подробности. Сам шестидесятилетний учитель Филлимор знал азбуку Брайля. Вместе с Ерошенко у него же брал уроки английского языка зрячий француз. Полный пансион в тихой части Лондона (на Иолсфид Род, Уондесворт) для Ерошенко обходился в 28 рублей в месяц. Кстати, в альманахе "Прометей" #5 и в других более поздних публикациях можно видеть фотографию Ерошенко с Филлимором, перепечатанную из старого эсперантского журнала.

В середине апреля Ерошенко был представлен сэру и леди Кэмбелл, возглавлявших колледж для слепых в Норвуде, близ Лондона. При этом присутствовал и слепой преподаватель этого учебного заведения господин Пирсон. Русскому юноше подали надежду, что через месяц-другой, когда он еще лучше освоится с английским языком, его примут в этот колледж на одномесечный срок.

Так всё и было. Известны сейчас и точные даты пребывания Ерошенко в стенах колледжа. Анатолий Иванович Масенко запросил по этому поводу своих лондонских друзей по переписке, и те прислали официальную справку: "В Королевском нормальном колледже для слепых он находился с 20-го мая по 23 июля 1912 года, но каких-либо других деталей о нем нет.

Отсюда видно, что Ерошенко вместо одного месяца, как ему обещали, проучился два.

Это важно еще и потому, что приукрашенное журналистской фантазией время, будто Ерошенко исключили из этого Королевского колледжа по мотивам политической неблагонадежности, малосостоятельно.

Познавал же он, вероятнее всего, в колледже педагогическо-методические навыки, чтобы в дальнейшем самому обучать и воспитывать слепых сотоварищей гимнастике, математике, языкам и новым для них профессиям, таким как стенография и машинопись. Уже об этом периоде пребывания Ерошенко в Англии разрастаются легенды: ведь письменных документов нет. И в статьях досужих журналистов, вроде А.Г. Кепова и прочих, придумываются либо любовные истории с политическим смыслом, либо - будущий поэт уже чуть ли не революционер-анархист.

Дмитрий Алексеевич Алов, живший в последние годы своей жизни в Кисловодске (умер 22.02.1971), был близким другом Василия Ерошенко. На одной из наших встреч, которые мы в шутку прозвали "литературными вечерами", Дмитрий Алексеевич вспоминал:

— Василий Яковлевич никогда не курил, не пил спиртного, не был женат. Некоторые его знакомые строили всякие предположения и домыслы в отношении того, почему он не создавал семью. Мне же он как-то говорил, что в молодости был один раз влюблен. Но это не означает, что это случилось в Англии. Есть сведения, что такой случай был позже, года через два-три.

Больше ничто не удерживало Ерошенко в Лондоне. Нет достоверных сведений, как Василий Ерошенко добирался обратно в Россию. Надо полагать, тем же путём и, быть может, с теми же встречами. В сентябре Ерошенко обратился за помощью к петербургским единомышленникам из общества "Эсперо". Нужны были деньги на обратный проезд. Хотелось бы приобрести пишущую машинку"...

Надо полагать, что такая помощь была ему оказана, и он благополучно возвратился. Привез он и пишущую машинку для письма по Брайлю, которая в настоящее время находится в Белгородском краеведческом музее.

Русские эсперантисты им гордились, всюду приглашали его на свои собрания, чтобы послушать рассказы о его поездке в Англию.

— Они приняли меня, — вспоминал Ерошенко, — с истинно русской простотой и гостеприимством.

Кстати, об этом периоде жизни Ерошенко писал в одном из своих писем некто Аполлон Клементьевич Скальский из Новосибирска. И он поведал еще об одном факте из жизни Ерошенко в Лондоне:

— Я видел его лично в 1912 или 1913 году в Москве. Однажды я пришел в клуб эсперантистов на Лубянке. Это была тогда квартира А. Сахарова, которую он отдал московским эсперантистам. У входной двери первой комнаты была продажа эсперантистских книг. Здесь я увидел двух юношей, одетых в крестьянскую одежду.

А. Сахаров показал мне глазами на первого юношу слепого и позвал в соседнюю комнату, где устраивались собрания. Там вполголоса он рассказал мне печальную историю в жизни поэта за последние дни. Он только что возвратился из Англии, где потерял надежду у известных окулистов. Он пробовал там лечить свою слепоту, но врачи отказались это сделать. Тогда еще не умели...

Он до сих пор стоит перед моими глазами печальный, молчаливый, с безнадежным выражением лица.

Значит, еще одна цель поездки в Англию теплилась в душе Ерошенко.

А вот еще свидетельство этого путешествия из воспоминаний Александра Белорукова:

— Второй скрипач Василий Ерошенко, выучившись говорить на языке эсперанто, надумал побывать в Лондоне и в 1912 году собрался... Месяцев через восемь он возвратился, говорил теперь не на одном эсперанто, но и по-английски, привез английскую машинку по Брайлю "Стенсби". Мы учились ею владеть...

Возвратившись в Россию, побывал Василий Ерошенко и в своей Московской школе.

Правда, школа перешла в новое помещение, на Первую Мещанскую улицу.

— Василия Ерошенко я узнал, - вспоминал Михаил Павлович Кислов, — когда он, возвратившись из Англии, пришел проведать свою школу и выступал перед учениками с

рассказами о своем путешествии и о колледже для слепых, в котором он учился два месяца. И в дальнейшем он бывал в школе. Он приходил навещать своего земляка Котенева, учившегося в этой школе-приюте вместе со мной.

Итак, Василий Ерошенко в октябре 1912 года был снова в Москве и приступил к своим обязанностям оркестранта, почти на два месяца просрочив предоставленный ему отпуск. Сам он изменился и был полон энергии и стремлений к новой деятельности. В журнале "Лингво Интернация" сообщалось: "Господин Ерошенко, возвратясь в Россию, сможет стать учителем эсперанто, английского языка и различных новых знаний, которыми он овладел в Англии".

Но вокруг всё осталось по-старому: действительность сильнее его желаний и надежд. Невольно приходилось ему задумываться, а что же дальше?

5. В Японии.

Имя Василия Ерошенко для современной русской литературы как бы "открыл" и даже "узаконил" известный китаевед и переводчик Владимир Николаевич Рогов своей статьей "Русский друг Лу Синя" в журнале "Знамя". Заочно я с Роговым познакомился, мы обменивались письмами. Известна мне его переписка с Д.А. Аловым. Чувствую, что встреча с Роговым может дать и дополнительные сведения о Ерошенко, новые материалы. Так оно и оказалось.

Когда мой издавший виды "Запорожец" притащил меня в Москву, то одним из первых "неотложных дел" было посещение В.Н. Рогова. Созвонились, и на другой день мой маршрут пролегал по чудесным магистралям Москвы: Ленинградский проспект — улица Горького — вправо по Большому Садовому кольцу. И, проехав Крымский мост, своевременно догадываюсь свернуть соответствующим образом, чтобы сделать правый поворот. Попадаю на широкий простор Ленинского проспекта.

Машину припарковал во дворе нового большого дома, без труда нахожу нужную квартиру и... Всегда приятно вспоминать о хорошем. Встрече рады были обе стороны. Владимир Николаевич уже не молодой, очень бодрый, несмотря на солидную тучность, привлекательный и довольно оригинальной наружности: чем-то напоминал "добротного англичанина", каким его изображают под именем Джона Буля... Комната, где протекала наша оживленная и весьма продолжительная беседа. А потом был и обед... Конечно, первым долгом у Рогова удивляла богатейшая библиотека, книги и книги, от огромных до миниатюрных.

Но в комнате еще и настоящий музей: китайский фарфор, экзотические статуэтки и куклы. И всюду чисто "мужской порядок", который многие почему-то любят именовать "творческим беспорядком"...

Хозяин несметного богатства прожил лет пятнадцать в Китае и Монголии. Бывал в Японии, где посетил бывшую токийскую квартиру Василия Ерошенко...

А первая "встреча" с загадочной судьбой этого необыкновенного "слепого русского поэта" произошла у него еще в 1938 году, когда Владимир Николаевич жил в Чунцине, переводил лусиновский рассказ "Утиная комедия". Когда зашла речь об этом довольно известном рассказе, который так подробно пересказывают и цитируют теперешние многочисленные "ерошенковеды", то Владимир Николаевич, как бы невзначай, проронил:

— Между прочим, в Китае Ерошенко дружил еще с одним известным писателем. Это был Ван Лу-янь, который описывает Василия Ерошенко в рассказе "Собака" и тоже как слепого поэта...

Вот так мимоходом и как бы случайно открывается одна истина за другой!..

— Василий Ерошенко прибыл в Токио 27-го апреля 1914 года, — продолжал свой рассказ Владимир Николаевич, — на этот раз эсперантисты помогли ему еще больше: дали деньги на поездку и рекомендательное письмо к профессору Токийского

университета Накамура Сигео. Говоря по-современному, Общество эсперантистов России как бы командировало его. И вероятнее всего он поехал с теми же целями, что и в Англию, то есть ознакомиться с новыми профессиями для слепых, чтобы потом перенести этот опыт в Россию и тем самым помочь своим собратьям...

— А каким маршрутом он путешествовал? — спрашиваю. — Например, профессор Д.Арманд, лично знавший Ерошенко, утверждает, что он якобы ехал вокруг Европы, Индии, Китая... Этого, конечно, не может быть... К 1914 году с Японией уже были нормальные отношения, и "командировочные деньги" могли быть весьма ограниченными, только в виде железнодорожного билета из Москвы до Владивостока.

А дальше трехдневное плавание по Японскому морю и всё. И очень скоро ему надо было думать о хлебе насущном. Видимо, благодаря рекомендации, ему сразу же удалось устроиться в школу массажистов. А зарабатывал сперва, ведя кружок или курсы начинающих эсперантистов и, вероятнее всего, в самом университете.

Одним из учеников был Фокуока Саити, который потом был сам редактором и издателем на эсперанто произведений своего друга и учителя.

Так что 1914 год, или "начальный японский период" его жизни — это массаж, эсперанто, японский язык, знакомства...

— Вы, Владимир Николаевич, писали, да и Роман Белоусов, о его дружбе с широким кругом весьма известных японских деятелей культуры и социального движения. Как это могло так легко произойти, по-существу, безвестного русского юноши? Что-то не совсем ясно...

— Очень просто! — удивился Владимир Николаевич моему вопросу и энергично возражал. — Жил ведь Ерошенко в пансионе при литературном кафе "Накамура".

Это было что-то вроде салона или клуба, где собирались писатели, художники, журналисты и просто прогрессивная молодежь с демократическими и даже революционными настроениями, политические эмигранты из разных и особенно восточных стран... Хозяйка заведения Курамицу Сома знала русский язык и переводила на японский Льва Толстого и Достоевского. Жил Ерошенко вместе с художником Накамура Цуне. Через несколько месяцев после приезда Ерошенко подружился с демократически настроенной молодежью: Акита Удзяку, Камитико Итико, Фокуока Сэйити и другими.

Конечно, можно позавидовать Владимиру Николаевичу в том, что он имел возможность побывать в Токио, говорить там с людьми, знавшими лично Ерошенко, с тем же еще живым тогда Акита Удзяку или Фокуока Сэити... Дочь старушки, хозяйки кафе, рассказывала Рогову, что она была тогда девочкой, но помнит Ерошенко, который хорошо играл на скрипке... Знает, что он успешно окончил школу массажистов и жил на то, что массировал женщин, которые предпочитали только незрячих.

Это же подтвердила в 1970 году мне лично и хорошо знавшая Ерошенко почти с детства, уже пожилая москвичка Мария Ивановна Обухова:

— ...В Японии, как когда-то сам говорил, он массировал гейш. Более подробно об особенностях обучения, о жизни слепых в Японии впоследствии Ерошенко писал сам. Он отмечал, что, как заведено с древних времен, — опытные массажисты имели в своем доме учеников, живших у них пять-шесть лет.

Но были и правительственные школы. В одной из них Ерошенко учился сам.

— Во главе такой школы, — вспоминал он, — стоит опытный массажист, прошедший и выдержавший учительские курсы для слепых в Токио. Жалование он получает от местных властей, которые также предоставляют и помещение для школы.

В помощь слепому дается зрячий учитель, который заведует общеобразовательной частью данной школы. Обучение для всех слепых бесплатно, но со столом и квартирой каждый учащийся устраивается как сумеет. Если при школах слепых и встречаются общежития для учащихся, то они носят в большинстве случаев частный и случайный характер. Положение такого слепого ученика облегчается отчасти тем, что он,

проучившись с полгода в такой школе, уже идет на практику, правда, получая за свой труд пока еще гроши.

Тем не менее, это облегчает его материальное положение и приучает с малых лет к независимому образу жизни.

Кроме профессии массажиста, Василий Ерошенко овладел и еще одной привилегией японских слепых — искусством иглоукалывания. Одна из его сестер, врач Нионила Яковлевна, подтвердила, что у Василия Яковлевича была золотая игла, но она не знает, применял ли на практике он ее здесь, на родине, как и вообще свои медицинские познания. Известно, что иглоукалывание успешно применяется при ревматизме и воспалении седалищного нерва, при заболевании периферической нервной системы (радикулита, неврита, невралгии), заболеваний вегетативной нервной системы, неврозов, вегетативно-эндокринных нарушений.

Лечение больных методом иглоукалывания возникло в Китае, а в VI веке уже применяется в Японии, Корее, Вьетнаме.

— Древняя медицина Востока утверждала, — писал впоследствии Ерошенко, — что на человеческом теле имеется 628 невидимых простым глазом точек; вводя золотую иглу в тело через эти точки или через сжигание на этих точках шариков, приготовленных из специальной травы, восточная медицина утверждала, что можно излечивать различные болезни мускулов, желез и внутренних органов.

Для определения положения этих таинственных точек на теле человека требовались сложные измерения и острое осязание... В Японии этот своеобразный метод лечения золотой или серебряной иглой (кю), лечение посредством прижигания, как японский массаж (харий) сделались исключительной монополией слепых...

Да, Василий Ерошенко в Японии мог проявить свои разнообразные способности. Быть может, ему мечталось открыть и у себя на родине школу для слепых, чтобы обучать этим трудным и благородным специальностям, как иглоукалывание и массаж, и он усердно овладевает ими. И еще, что вполне вероятно, талантливый русский юноша старается в совершенстве овладеть разговорным японским языком, знакомится со своеобразной, богатой древними обычаями культурой японского народа. Для этого он даже совершает путешествие через всю страну на остров Хоккайдо, где можно почувствовать прохладу, дыхание своей северной Родины.

Условия для занятий языком у Ерошенко были весьма благоприятные. По этому поводу В.Н. Рогов рассказал:

— Хозяйка кафе Накамура, зная русский язык, сама не чужда была занятий по литературе, и Ерошенко диктовал ей свои первые рассказы, которые, вероятнее всего, у него в голове начинались по-русски, а потом сообщая получались по-японски. Можно говорить о своеобразном соавторстве.

Но, конечно, и сам Ерошенко постепенно овладел японским языком. Я встречался и беседовал с писателем, у которого было очень плохое зрение — Фокуока Сэити, и он говорил мне, что Ерошенко ему тоже диктовал рассказы, сказки по-японски и, по-видимому, по своим брайлевским записям...

Какова бы то ни была творческая лаборатория начинающего автора, а к концу 1915 года им были созданы несколько рассказов, два из которых появились почти одновременно в январских номерах двух разных журналов: "Рассказ бумажного фонарика" и "Идет дождь".

Следует вернуться к предистории этих первых рассказов поподробнее.

Они еще не сделали из Ерошенко писателя, а только привили вкус к сочинительству. Дело было, по-видимому, так. Американка Агнес Балдвин Александер (1875-1971), бахаистка и эсперантистка, как-то в Женеве в Организации Всемирной эсперанто-ассоциации встретила с Анной Николаевной Шараповой, и та, узнав, что Александер собирается в Японию, попросила ее отыскать Василия Ерошенко и оказать ему какое-то содействие.

Найти же его можно будет вероятней всего среди эсперантистов. И точно. Когда Агнес Александер в ноябре 1914 года явилась в Токио, она легко нашла Ерошенко, и тот стал завсегдатаем ее еженедельного салона, где собирались аристократы, художники, писатели и журналисты. У Ерошенко расширился круг интересных знакомств, в котором и оказалась журналистка Камитико Итико, сыгравшая некоторую роль в его судьбе.

Агнес Александер всячески пропагандировала учение персидского пророка Беха-Уллы (1817-1892) и предложила, чтобы с ее помощью Ерошенко перевел его основной труд "Тайные слова" с английского языка на эсперанто. Она читала вслух текст на английском языке, а он записывал по Брайлю на эсперанто. Этот взаимный труд появился в печати уже весной 1915 года.

Можно предположить, что бахаизм в какой-то степени повлиял на мировоззрение Василия Ерошенко. Учение это было дальнейшим развитием более раннего, известного как бабизм. Беха-Улла — это прозвище, означающее "Блеск Божий", а настоящее имя пророка — Мирза Хусейн Али. Главное в его учении — это "все люди братья, и классовая борьба недопустима". Этика бабизма находила поддержку у Льва Толстого. И для Василия Ерошенко, в какой-то степени знакомого с толстовским мировоззрением, были вполне привлекательными и многие положения из "писания" Беха-Уллы.

Вот они: "обладай хорошим, чистым и светящим сердцем"; "люби справедливость", т.к. "посредством ее ты укрепись в восприятии всего собственными глазами, а не с помощью глаз людей, знать все собственным знанием, а не знанием кого-либо в мире"; "живи в любви"; "не проси у бога того, чего не желаешь для самого себя. Будь удовлетворен тем, что упорядочено для тебя"; "будь благодарен"; "не греши"; "если ты встречаешь бедность, не огорчайся" и иные подобные мудрые советы. Ряд провозглашенных "истин" был схож с моральными положениями христианства, буддизма и других религий.

Все же нет точных сведений, что Василий Яковлевич стал ярким приверженцем бахаизма, хотя это учение оказало определенное влияние на его альтруизм и поведение в дальнейшей жизни до конца своих дней.

Непосредственным же влиянием переводческой работы над "Тайными словами" и вообще от общения с проповедницей бахаизма Агнесой Александер была и проба пера самого Ерошенко — рассказ "Идет дождь", увидевший впервые свет в журнале "Васыда бунгаку" ("Литература университета Васада") в февральском номере за 1916 год.

Сначала "Дождь идет" написан по Брайлю на эсперанто и следом переведен на японский Акита Удзяку. Но оригинал не сохранился. В рассказе в довольно поэтическом обрамлении описано действительное посещение японского пророка (уличного проповедника) Торансуке Миядзаки вместе с другом Акита Удзяку.

Писательская фантазия А. Поляковского в повести "Слепой пилигрим" сделала Акита женщиной, а именно Камитика Итико.

Само же посещение произошло 21 ноября 1915 года. В начале рассказа-эссе имеется знаменательное замечание: "чтобы жить, у каждого должна быть определенная профессия". Видно, этот постулат был у Ерошенко еще, когда он ставил своей целью поездку в Японию, и придерживался его всю жизнь.

Сарказм автора проявляется уже в начале рассказа и заключается в том, что, мол, все люди после смерти обожествляются, даже такие адиозные фигуры, как генерал Ноги.

И тут же важные рассуждения, что люди должны быть такими же безупречными, как Христос или Магомет.

Интересна и мысль о предназначении пророков вообще — "миссия наставлять и руководить человечеством". К обычному и безупречному пророку причисляется и Христос. Новая же религия, к которой причисляет себя Торансуке, соединяет все религии в одном его собственном лице.

В рассказе довольно сложные рассуждения о существовании прогресса в истории, об истине вообще, а также о религии и душе. А ирония автора направляется во все религии и тем более в объединение их в одном лице, в современном пророке.

Торансуке заявляет: "Я есть Мессия, я есть Будда..." И еще: "...я соединил в самом себе всех пророков". И Ерошенко, делая в конце параллель с дождем, приходит к выводу, что все религии и их пророки — только сточная канава с грязью.

Кстати, в рассказе приводятся важные воспоминания о поучении "другого пророка из другой части Азии", т.е. Беха-Улла из Персии (Ирана): "Никто не должен следовать вслепую за своим предшественником и предками. Нет! Каждый должен видеть своими собственными глазами, слышать своими собственными ушами и искать Истину, уметь найти Истину". Этой заповеди Ерошенко старался следовать всю жизнь, даже в повседневных мелочах. И еще приводится вывод из проповеди Беха-Улла:

"...люди не могут понять состояние души после смерти". И это уже насмешка над религией вообще: данный японский пророк учит людей на улице. Каждую неделю он ходит в парки Токио и там проповедует. Мне вспомнились слова о нем: "вероятно, ни один пророк не имеет менее успеха, чем этот пророк. У него только один настоящий последователь, и это его жена".

И еще всех пророков вместо истинных последователей и друзей ждет измена и Голгофа, крест, жизненная трагедия.

В конце рассказа наступает всегдашний пессимизм автора: "...в одиночестве пошел домой сквозь холодную ночь, как будто где-то находился бы какой-то для меня дом, где я могу спокойно спать". Увы, у бродяги Ерошенко так никогда и не было своего дома, своего собственного домашнего очага!..

Почти одновременно, но в другом журнале, а именно, в "Кибо" ("Мечта") и тоже в январском номере 1916 года появилась поэтическая новелла Василия Ерошенко на японском языке под названием "Рассказ бумажного фонарика".

Видно, эта изящная вещь навеяна собственным эпизодом, но не без влияния своих душевных переживаний от неразделенной влюбленности в Каметико Итико. Она дружески относилась к Василию Яковлевичу, но полюбила другого — японского писателя Осуги Сакэо И вскоре сошлась с ним в гражданском браке.

Вполне возможно, что Василий Ерошенко в рассказе выразил мысль, что только его слепота оттолкнула Кометико. В новелле, правда, вроде всё наоборот: гейша, пение которой так нравилось автору, полюбила его, но, когда узнала, что он слепой, была разочарована.

Здесь Ерошенко возвеличивает значение любви вообще и явно отмечает, что она не для него, хотя он и почувствовал свою влюбленность в женщину. Пессимизм выразился словами, что он, как всегда — "печальный бледный господин", для которого женская любовь не существует.

Это, а также то обстоятельство, что Василий Ерошенко закончил свое образование и получил профессию массажиста, толкнуло его к мысли покинуть Японию и поискать счастье в других местах Востока. Некоторые знакомые приглашали его в Сиам и Бирму.

Но прежде чем отправить Ерошенко в новые путешествия, следует остановиться еще на нескольких эпизодах его пребывания в Японии.

Ерошенко активно проповедывал идеи эсперантизма и близкие к нему бахаизма. Это подтверждается его речами, произнесенными на собраниях эсперантистов весной 1916 года. Они тогда же были и опубликованы. Это "Новые веяния в мире" — речь на собрании 11 марта в Иокогаме. Об этом вместе с публикацией в апрельском номере журнала "Японский эсперантист" указывалось, что "Это собрание несомненно сделало эпоху в пропагандистской истории, так как аудитория насчитывала около трехсот человек и все с энтузиазмом слушали выступавших..." И еще: "Из Токио прибыли доктора Накамура, Кроита, Такахаси, господин Ерошенко (русский), госпожа Александер и другие эсперантисты для того, чтобы выступить с речами. Сделаны

интересные выступления на языках японском и эсперанто, что обеспечило большой успех. Очень интересным была музыкальная часть, восхитительное исполнение господами Ерошенко и Тории (студентом Токийской школы для слепых)... С речами выступали также другие соратники и друзья Ерошенко, такие как Акита Удзяку, Таху Тосио и Такусари Коки."

В своей речи Ерошенко высмеивает тех, кто много пишет, забалтывая идеи всеобщей любви, братства и мира между народами. "Но эти идеи не новы для нас, слепых, — нет, совсем нет; они стары, как сам мир".

Однако "воплощать слова в реальную жизнь — это совсем разные вещи". На самом же деле в Европе идет жестокая война. Одна из предлагаемых практических мер — эсперантизм. И далее о пользе нового веяния — эсперанто: в объединениях эсперантистов "можно и поучиться и практически воспринять навыки всеобщей любви, братства и мира между народами".

Подобные мысли Ерошенко высказал в речи на Третьем конгрессе японских эсперантистов 29-го апреля 1916 года. Речь была опубликована в том же "Японском эсперантисте", но в майском номере. Чувствуется увлечение бахаизмом и дружба с Агнес Александер.

Общее между бахаизмом и эсперантизмом — провозглашение любви и дружбы между народами, что особенно было актуально. Ведь тогда шла Первая мировая война.

И Ерошенко как ярый пацифист ратует за пропаганду идей эсперантизма и заодно намекает на аферу со сбором средств на мифический храм в Чикаго. Сам Василий Ерошенко в письме от 2 мая 1916 года к Тории Токудзиро (1894-1976), любимому другу по Токийской школе, сообщал: "Наши пропагандистские собрания имели большой успех. Я тоже выступал..." И констатирует еще один факт: "В майском номере напечатана моя статья о женском вопросе".

И, вполне возможно, что личная душевная драма после того, как Камитико Итико вышла замуж, подтолкнула его к отъезду из Японии. Ерошенко пишет в письме от 10-го июня 1916 года: "Я должен как можно скорее оставить Японию, но всевозможные преграды задерживают, и, возможно, буду здесь еще несколько месяцев." И еще: "Ныне, когда всё устроилось так счастливо для меня, я чаще, нежели когда-либо, думаю о побеге. Оставляя счастье, я отказываюсь от него без всякой жалобы..." И в другом письме от 23-го июня пишет: "...кажется, сама судьба желает, чтобы я бросил Японию быстрее, — даже скорее, нежели я думал."

Третьего июля Василий Ерошенко садится в поезд, направляясь в Кобе, оттуда — на пароход, идущий в Бангкок, столицу Сиам. Это государство с 1939 года носит название Таиланд.

Бангкок разносторонен, но прославился своим расположением на каналах. Его не зря называют восточной Венецией. Десятки тысяч сиамцев живут на воде. Здесь же — "пловучий рынок". В Бангкоке около трёхсот буддийских храмов. От легкого дуновения ветра под их крышами раздаётся мелодичный перезвон колокольчиков.

Из писем Ерошенко в Японию просматриваются некоторые эпизоды его пребывания в Бангкоке. Так, тому же Тории Токудзиро он пишет, что прибыл в Бангкок тридцатого июля, что его никто не встретил, на что он, очевидно, очень рассчитывал. Помог только случай: встреча со знакомым бирманцем, и всё устроилось. Жить Ерошенко стал у известного ему сиамца. И первым делом он стал хлопотать об устройстве школы для слепых. С этой главной целью он и прибыл в Сиам. "Положение слепых в Сиаме, — пишет Ерошенко, — совершенно иное, чем в других странах. Говорят, что здесь вообще невозможно

что-либо сделать для них." Нужны немалые средства, а их нет. И еще замечает: "Обучение по европейскому образцу кажется им (сиамцам) лишь напрасным осложнением в жизни". В других письмах Ерошенко сообщает некоторые подробности своей жизни в Бангкоке: "С утра я читаю, занимаюсь, много размышляю. После обеда сплю. Вечером один час занимаюсь сиамским языком, хоть он мне и не нравится, и делаю массаж двум пациентам. С десяти до двенадцати вечера я читаю какую-нибудь легкую книгу." Погода и жизнь в Сиаме ему нравятся.

В Бангкоке было много русских. Ведь с последнего десятилетия XIX века существовали расширенные отношения Сиам с Россией, а многие влиятельные сановники посылали своих детей учиться в Россию. Ерошенко пишет: "Здесь четыре русских ресторана, их хозяева и девушки очень добры ко мне".

Но без дела, в смысле помощи слепым, Ерошенко не намерен долго оставаться в Сиаме, хотя "жить в этой стране приятно." И в результате всего, в том числе и желая избавиться от чрезмерной опеки, Ерошенко перебирается в соседнюю страну — Бирму, в то время являвшуюся британской колонией.

Примерно в середине января 1917 года Василий Ерошенко прибыл в порт Моулмейн, по величине третий город в стране, хотя сам по себе совсем небольшой.

На современных картах город пишется "Моламьяйн", как и произносят его сами бирманцы. А сам Ерошенко этот город в статье "Слепые Запада и Востока" именует "Мульман".

Немного о городе: во-первых, это крупный океанский порт, второй в Бирме после Рангуна; во-вторых, расположен он в устье трех рек — Салуин, Гьянг и Атаран.

С востока защищен он невысокими горами, усеянными многочисленными пагодами, многие из которых соединены между собой крытыми галереями. Среди них на открытой площадке возвышается пагода Чоктанлан с десятиметровым изваянием Будды, покрытым золотом и драгоценными камнями.

В окрестностях Моулмейна много пещер, где установлены тысячи фигурок Будды. Столицей же страны является самый большой порт и город Рангун, где воздвигнута великолепная пагода Шведагон, высотой более ста метров!

Вот что о Бирме впоследствии писал сам Ерошенко: "В этой стране рубинов и сапфиров, кокосовых пальм и тамаринд, папай и бананов, манго и ананасов круглый год цветут пахучие цветы и звенят миллионами серебряных колокольчиков бесчисленные пагоды, разбросанные по всей стране, построенные когда-то во славу великого Будды.

В тенистых рощах ютятся монастыри, в которых буддийские понджи (монахи), размышляя о суете этого мира, обучают ребят окрестных деревень грамоте, учат взрослых мудрости жизни, лечат больных, ухаживают за престарелыми и убогими. Бирманец любит своих "понджи" и каждое утро отдает на монастырь чашку вареного рису и лучшую часть приготовленного на день продукта. В этих обителях лениво, беззаботно протекает жизнь слепых."

Василий Яковлевич Ерошенко, прибыв в Моулмейн, вскоре узнает, что здесь имеется школа для слепых детей, и навещает ее. Там ему предложили быть преподавателем, а вскоре и заведывать школой. Конечно, он согласился, надеясь стать полезным для собратьев и внедрить новые методы воспитания, такие как гимнастика, художественная самодеятельность и т. п. Первым долгом ему пришлось овладеть разговорным бирманским языком, довольно сложным для европейца. Все привычные изменения голоса при выражении удивления, негодования, восторга или испуга приходится забыть. Бирманский язык слоговой, формы грамматические в нем образуются суффиксами и префиксами. Одно слово может иметь несколько значений и даже с противоположным смыслом. Слова же различаются произношением по высоте тона, долготе и ударению в гласных.

Василий Яковлевич Ерошенко усиленно изучает бирманский фольклор и буддизм.

В письме к Тории Токудзиро он пишет: "Сейчас я изучаю воистину прекрасные буддийские легенды. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрылся совершенно новый, доселе неведомый мне мир."

Результатом всего этого интереса впоследствии Василием Яковлевичем была написана его "Бирманская легенда", опубликованная впервые в японском журнале для юношества в 1920-1922 годах. По-существу, это не одна легенда, а кое-как скрепленный целый набор многих легенд, связанных с тем или иным местом в Бирме. В них чувствуются антиколониальные мотивы, особенно против захватнической политики Англии. Сказочность же легенд очень напоминает хорошо известные и изданные у нас сборники бирманских сказок.

Сейчас многие пишут о поездке Ерошенко по Бирме. И создается неверное представление, что он был вроде праздного и любопытного туриста. Однако это вовсе не так. Выражаясь по-современному, ему приходилось заботиться о контингенте вверенной ему школы, что заставляло колесить по стране и побывать в ее отдаленных уголках.

Вот что сам Ерошенко писал впоследствии в уже упомянутой статье: "Когда в 1917-18 годах мне пришлось быть руководителем Моульменской школы, каждое лето я в сопровождении нескольких учеников отправлялся вглубь страны разыскивать питомцев для своей школы. Не так трудно было уговорить слепого мальчика ехать с нами в Мульман. (...), но уговорить родителей отдать слепого мальчика в школу было почти невозможно (...).

Лишь с помощью "понджи", которые оказывались всё-таки культурнее своих поклонников, нам удавалось уговорить родителей отдать своего сына в школу."

И в этих поездках Ерошенко, конечно, попутно знакомился с бытом и фольклором бирманцев, посетил знаменитый мертвый город Паган, древнюю столицу Бирмы, восьмое чудо света.

Пустынный Паган для бирманцев — живой символ былого величия страны, колыбель религии и культуры. Он представляет полосу земли шириной в три и длиной в тринадцать километров в излучине главной реки страны Иравади.

И эта площадь земли сплошь усеяна полуразвалившимися храмами, состоящими большей частью из так называемых ступ, стены которых украшены фресками из притч Будды.

Летом 1917 года Ерошенко узнает о революции в России и падении царской власти.

В одном из писем в Японию Василий Яковлевич сообщал, что он очень обеспокоен за судьбу родителей и особенно своего отца как противника революции 1905 года и приверженца царя. И добавляет: "Надеюсь, что он (отец — А.П.) жив, но не удивлюсь, если он лишился имущества и посажен в тюрьму. Я, как революционер, во время ссор с отцом всегда предсказывал ему это".

Последняя фраза проливает свет еще на юношеское мировоззрение Василия Ерошенко в спорах с отцом по социально-политическим проблемам.

И теперь вполне естественно предположить, что у Ерошенко в связи с ситуацией на его родине созревает стремление вернуться в Россию. Ближайший же путь, как ему видится, лежит через Индию и Ближний Восток. Ерошенко покидает насиженное место, и 16 ноября 1917 года он уже в Калькутте! Этот гигантский город в начале XX века являлся одной из опорных баз британских колонизаторов, самый крупный город-порт Индии.

Так случилось, что у Василия Ерошенко там не оказалось ни одного знакомого, и ему пришлось поселиться в одной из гостиниц. Ерошенко оказался, как бы в плену, отрезанный от богатой культуры аборигенов. Побывав несколько раз в местной школе для слепых, у него не возникло желания работать в ней, как вскоре он пишет в письме к Тории Токудзиро И далее — характерное замечание: "Познакомиться с индийцами почти невозможно. Индийские власти запрещают европейцам общаться с местными жителями". Особые подозрения вызывают русские, которым грозит интернирование, то есть, попросту говоря, тюрьма. Колонизаторы "боятся такой же революции, как в России".

И все эти обстоятельства заставили Ерошенко метаться.

Он понимает, что не может никак прорваться в Россию, и в марте 1918 года возвращается в Моулмейн. Но теперь английское начальство школы косо посмотрело на русского и предложило ему должность простого учителя. Проработав чуть меньше полугода, Ерошенко "храбро отказался от места и восьмого сентября храбро расстался со школой..." И, желая вернуться в любимую Японию, не нашел другого пути, как снова возвратиться в Калькутту, куда и прибыл 10-го сентября.

Здесь он усиленно хлопочет о возвращении в Страну восходящего солнца, то есть к верным друзьям-японцам. А пока живет в той же гостинице и явно под домашним арестом. Все его хлопоты вырваться из "клетки" тщетны. Не тогда ли возникла мысль написать сказку "Тесная "клетка"? Хотя написана она гораздо позже и продиктована Сома Кокко, когда Ерошенко сидел в тюрьме.

О связи содержания сказки со своим полуарестантским положением в Калькутте говорит описанный сон тигра, который полон индийских мотивов, впечатлений автора от странствий по Индии. Здесь он особенно потрясен варварским обычаем "сати" — сжиганием живьем на погребальном костре жены умершего супруга.

Здесь явный протест против такого обычая, даже плохо увязанный с общей идеей сказки и всем повествованием.

Будучи в "клетке" калькуттской гостиницы, Ерошенко всё же в начале декабря 1918 года нашел возможность сбежать, раствориться в толпе и покинуть столь негостеприимный город. Тем самым он получил возможность побродить по стране, ближе познакомиться с ее жителями и богатым фольклором.

Все это в дальнейшем послужило сюжетом двух индийских сказок: "Рассказы Байтала" и "Кувшин мудрости". Первая из них просто вариант народных сказок Индии. В ней особо заостряются разного рода моральные поучения.

Дидактика как бы сборника сказок очень яркая. Например, такие догмы: "Когда от друзей заводят секрет, доверие друг к другу слабеет, тогда дружбе наступает конец"; "Возлюбленные хотят, чтобы любили только их, поэтому друзей своих любимых они считают своими врагами"; "Среди людей (...) есть много таких, которые любят глупых и не любят умных"; "В этом мире редко встречаются настоящие, преданные друзья, и тот, кто находит себе такого друга, может считать себя счастливым"; "... В последнее время становится всё меньше людей, понимающих, что такое справедливость"; Действовать "из чистого сострадания не всякий способен"; "Виноватым можно считать только того, кто сам станет на кого-то сваливать вину"; "Люди с честным сердцем, какие бы трудности ни выпадали на их долю, никогда не сходят с праведного пути." "Жизнь людей, которые живут только ради себя, а не ради других, ничего не стоит"; "Нет ничего в мире прекраснее стойкости. Кто обладает таким качеством, тот может всего добиться. Терпеливому человеку каждый посочувствует и стойкому каждый поможет".

Пессимизм Ерошенко, считающего себя чаще всего несчастным, происходил оттого, что он, видимо, не всегда или не на всю жизнь находил настоящего и близкого друга.

А потому в заключение проскользнула здесь яркая фраза: "К чему же мне жить в этом нелепо устроенном мире, где я никому не нужен и никто не заботится обо мне? Лучше уж умереть."

По прочтении другой индийской сказки "Кувшин мудрости" невольно приходишь к мысли, что, во-первых, войны начинаются с какой-нибудь глупости правителей государств, когда у них отсутствуют мудрые советники, и, во-вторых, мудрость — выше всего и к ее носителям надо всегда относиться с уважением и почтением, а не к своим глупым претензиям.

О своих скитаниях по Индии Ерошенко иногда впоследствии рассказывал кое-что случившееся с ним. Так, одна из его сестер поведала трагикомический случай с ним на городской улице в Индии. Вот что рассказывал сам Василий Яковлевич ей:

— Слышу, что ко мне бежит целая толпа с угрозами. И, подступив вплотную ко мне, размахивая руками и палками, остановилась. Оказывается, я, наткнувшись на бродячую корову, сильно ее толкнул. А это было большим греховным проступком!.. И разъяренная толпа индусов могла отколотить меня до полусмерти.

Но, убедившись, что я не просто иностранец, а еще и слепой, не учинили расправу и, бормоча непонятные слова, оставили меня в покое и разошлись.

А настоящая трагедия разыгралась позже. Будучи на другом конце Индии, а именно, во втором по величине городе страны, в Мадрасе, Ерошенко узнает, что здесь есть еще другая школа для слепых детей. Естественно, что ему захотелось посетить ее, познакомиться с постановкой дел в ней, а также поделиться своими мыслями с собратьями по несчастью. И этот визит стал для него роковым. Колониальная полиция узнала о разыскиваемом русском беглеце. Ерошенко был арестован и препровожден в Калькутту, правда, в ту же гостиницу, но под более строгий домашний арест. Вскоре же, а именно, летом 1919 года, его депортировали в Японию. Третьего июля он снова в Токио.

7. Опять в Японии.

Конечно, друзья встретили Василия Ерошенко с распростертыми объятиями. В дом Сомы Кокко, куда пришел вернувшийся бродяга, первым на следующий же день пришел Акита Удзяку. Он потянул Василия Ерошенко в кафе, где собрались многие из его друзей: Накамура, Агнес Александер, Арисим Такео, Акита Удзяку и другие.

Надо полагать, Василий Ерошенко поведал собравшимся о своих скитаниях.

Не присутствовала его симпатия — Камитика Итико: она в это время была за решеткой, хотя и не по политической части, а бытовой. Житейский роман в трех лицах в какой-то мере имел продолжение.

Возобновились и старые связи с социалистами. Все это не осталось незамеченным полицией, которая начала слежку за русским. И Ерошенко в декабре, пытаясь скрыться от глаз полиции, покидает Токио и поселяется в знакомом доме слепого студента Ивахаси Такэо в городе Осака, хотя сам Ивахаси учился, больше находясь в Кобэ.

К тому времени в Японии обстановка несколько изменилась, стала более беспокойной по сравнению с тем, какой она была три года назад, когда Ерошенко покидал Японию.

В 1918 году по стране прокатились так называемые "рисовые" бунты.

Чтобы подробнее представить эпоху Японии конца второго десятилетия и начала третьего, следует разобраться, что это за "рисовые" бунты, проходившие почти по всей стране. Начались они в начале августа в рыбацком поселке Ниси-Мидзубаси. Женщины-рыбачки потребовали продажу риса по удешевленной цене, и у дома торговца рисом произошло столкновение с полицией, вследствие чего было арестовано несколько женщин. Дальше - больше: подобное продолжалось в соседних населенных пунктах. Через десять дней уже в Киото бунтуют сотни людей, трамвайное сообщение прекратилось: женщины ложатся на рельсы.

Даже в городе Нагое разбиты витрины продовольственных магазинов. В столкновении с полицией имеются убитые и раненые. В Кобе после митинга — погромы, сгорел почтамт, сталелитейный завод. В Осаке - столкновение с войсками и полицией, разгромлены чайные дома, топливные склады и конторы фирм, торгующих рисом. Кое-где прекратилось движение поездов. Беспорядки были и на улицах Токио, сопровождаемые криками: "Рис и свобода!"

Вспыхнули пожары, и город был объявлен на военном положении. Но не было единой организации у бунтующих, начался террор и "парламентская демократия" растаяла.

В 1922 году была создана компартия, конечно, в глубоком подполье. На развитие классовой борьбы оказывала влияние революция в России. Властям всюду мерещилась революция подобно российской. В литературе расцветает жанр статей-рассказов,

например, сборник "Синеюн" ("Новая весна") Токутоми. Возникает так называемая пролетарская литература, развивается "натурализм".

В состав пролетарской литературы входят многие анархисты, как Акита Удзяку, близкий друг Василия Ерошенко, а также настоящие пролетарские авторы, как Токунаги Сунео и Кобаяси Тикидзи, которых впоследствии сажают в тюрьму.

В это же время прославляется своим творчеством писатель всемирного значения Акутагава Рюноске (1892-1927), выступающий со своим скептицизмом, вызывая своими книгами отвращение к буржуазной морали и к милитаризму.

Многие авторы пишут со специальной целью, чтобы выявить несправедливость, например, Токутоми Рока, прямой подражатель Льва Толстого. Вот в такую литературную среду на фоне кульминации деятельности социалистов как раз и окунулся Василий Яковлевич Ерошенко. Он принял активное участие в политической работе общества вокруг журнала "Танемяку хито" ("Движение сеятелей"), посещает собрания Социалистической лиги. И, видимо, поэтому Ерошенко покидает свое убежище в Осаке и снова перебирается в Токио.

Опять он обитает в кафе в гостинице "Накамура" у госпожи Сома. Примечательны воспоминания японского художника Цуруто Горо. Они у нас опубликованы и хорошо известны. Всё проходило в конце 1920 года. Были написаны два портрета маслом с Ерошенко в европейской манере. Один — Цурутой (в профиль), а другой написал Накамура Цуне (1887-1924), более известный тогда художник на закате своих дней. Оба портрета писались в студии Накамура.

И на них явно человек с одним и тем же лицом: выпуклый лоб мыслителя, окруженный светлой кучерявой шевелюрой; правильный нос с небольшой горбинкой, немного выдающийся подбородок с признаком воли и упрямства, глубоко запавшие глаза и, конечно, без зрачков...

Полотно Цуруто более темного тона, высветлены только лоб и белая рубашка. Портрет находится в частной коллекции ресторана "Накамура", где тогда жил Василий Ерошенко. Вероятно, портрет был подарен хозяйке Курамицу Сома.

Прежнее здание сгорело. Сейчас оно новое, так что портрет находится уже в новом здании..

Портрет же, выполненный Накамура, получил большую известность и славу. Написан он в полоборота и в светлых тонах более желтого цвета. Во-первых, он экспонировался на Второй весенней выставке Академии художеств в Токио и на японской выставке в Париже (1922 г.). И, во-вторых, сейчас находится в Государственном музее современного искусства в Токио. Кроме того, этот портрет распространен в теперешней Японии в качестве цветной открытки, которую прислал мне в подарок писатель Такасуги Ичиро.

В этот период (1920-21 годы) Василий Яковлевич пишет множество сказок, большинство которых опубликовано позже, когда его самого уже не будет в Японии.

Жаль, что их всех нет до сих пор на русском языке и даже на эсперанто, И ознакомиться с ними очень трудно. В Японии неким Мине Йоситака предпринята попытка собрать все произведения в переводе на эсперанто.

Его издания представляют небольшие книжонки, больше похожие на брошюры. Но их продолжающие издания не совсем доступны, довольно случайны.

В них можно ознакомиться и со сказками, написанными автором как раз в этот сложный период его жизни в социально бурлящей Японии.

Одной из них является "Странный кот". Предисловии к этой сказке написано неким Ньодзекан Хасегава (1875-1969), либеральным журналистом, основателем социального журнала "Варера" ("Мир"), в котором публиковались произведения Ерошенко.

В заключении "Странного кота" герой сказки, как бы сам автор, утверждает: "Я думаю, что мыши и кошки, и вы, горничные, - все вы мои братья и сестры, которых я должен жалеть и любить. Я не только так думаю, но и чувствую, ощущаю всем моим существом. Мы все составляем одно неделимое целое..."

Вообще же, эта сказка - чистейшая аллегория. Иносказательно передано не только идея братства, но и отчаянное положение беднейшего слоя людей (голодающие мыши и кошки) и довольно тяжелые условия тех, кто им сочувствует и хочет помочь (переживающий автор). Его и ему подобных обзывают дегенератами, презренными космополитами, проклятыми интернационалистами, идиотами и просто сумасшедшими. Пессимизм Ерошенко выразился в этой сказке уже в начале: "... на сердце было гораздо холоднее, на душе — еще печальнее." И еще: "... угли в хибачи догорали, словно частицы дорогих надежд, остатки прекрасных и несбыточных мечтаний."

И кроме того, сказка заканчивается тем, что при мысли о бедствии других у героя на душе, как всегда, печаль и желание от безысходности уснуть вечным сном, чтобы ничего этого ужасного в мире не знать.

Следует заметить о знаменательном упоминании в сказке "знаменитого Кропоткина."

И это не спроста. Есть версия, что, еще будучи в Англии, Василий Ерошенко посетил этого князя-революционера. Эта встреча подробно и красочно разрисована фантазией А. Харьковского в известной повести о Ерошенко.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) был известен как историк, социолог, публицист и географ. Его главный труд - "Записки революционера", которые, вероятно, и упомянуты Василием Ерошенко. Кропоткин является идеологом так называемого "коммунистического анархизма". Он отрицает насилие и диктатуру пролетариата.

Это могло вполне импонировать тогда и Василию Ерошенко. Он не боится неприятностей в своей "проклятой" жизни, не прячется в стороне от них и от самой смерти. В 1921 году Ерошенко участвует вместе со своими друзьями-социалистами в первомайской демонстрации.

А девятого мая полиция разогнала Второй съезд Социалистической лиги И при этом многих арестовала, в том числе и Василия Ерошенко. Для него эти события далее разворачиваются весьма печально. Эти столкновения с полицией завуалировано описаны в неопубликованной тогда новелле, теперь известной на русском языке — "Беседа".

В ней — разговор журналиста с полицейским касательно Ерошенко. Ясно, что в это время появление Ерошенко на собраниях и митингах полиция заприметила, считая его опасной личностью уже только потому, что он русский. И вот мнение полиции: "... как опасно приглашать в общество этого слепого!" Ведь он проповедует свободу, равенство и братство!

Об этом особенно ярко пишет Василий Яковлевич в своих фантастических сказках "Растрата благожелательных даров" и "Люди-боги на Юпитере". Из первой следует, что от богов получены различные дары, чтобы "люди были бы счастливы и вежливы, чтобы среди них процветали мир, дружба и мудрость..."

Но люди сомневаются в способе употребления этих даров". Отсюда сентенция Ерошенко: "Если бы была всеобщая любовь между людьми, жизнь на Земле сделалась бы гораздо прекраснее". Это что-то в духе толстовщины. Но в сказке есть и сатира на художественную литературу того времени: правду "чаще всего писатели только подмешивают в чернила", но в очень небольшом количестве!

Интересно резюме о бедности: "Бедность — самое большое дело в мире".

И еще мысль: "На Земле, где идут войны, требуются Свобода, Равенство и Братство."

В сказке, в основном, действия происходят на Марсе, но упоминается Первая мировая война и другие события того времени.

Вторая сказка о фантастических делах на Юпитере похожа на первую о Марсе.

Мудры слова главного Бога: "Нет необходимости что-то давать людям. Достаточно того, что люди пусть будут людьми. И это всё, что им нужно". Но другие боги все-таки подарили людям "честь", "любовь" и "мудрость" и, главное, — "счастье".

Со временем же люди стали неблагодарными, стали отрицать существование Бога и связанные с ним "церемонии", начались войны за такое сокровище, как "счастье".

Почти авторский вопрос: "Люди становятся слишком несчастными в своем условии существования. Нельзя ли в какой-то мере спасти их? Не позаимствовать ли нам буддизм и христианство на Земле для устройства людской морали?"

Иначе людей ждет гибель, что и произошло на Юпитере. Полная безнадежность!..

Невольно встает вопрос: был ли Василий Ерошенко религиозным? Ведь вся его жизнь слишком похожа на путь святого. И даже его близкие товарищи за глаза называли его монахом! Конечно, Ерошенко много уделял внимания ознакомлению и особенностям разных религий и, в частности, буддизму. Сам он был высокоморальным, честным. Но если и верил в бога, то без церковных обрядов, то есть по-толстовски. Это будет особенно видно в дальнейшем в его чукотских произведениях.

А пока следует коснуться еще одной сказки, написанной в это же время, а именно, под интригующим названием "Голова ученого". В аллегорической форме Василий Ерошенко описывает проблему, волновавшую политиков в начале 20-го века.

Что более полезно: идти влево или правее? Но у власть имущих боязнь двигаться вообще вперед. Остается мечта, как бы вернуть прошлое положение, т.е. идти назад, к разгулу империализма. Насмешливый и фантастический рассказ весьма похож на басню в прозе, рассчитанную больше всего на взрослого и умного читателя. В басне имеется и насмешка над учеными вообще, над их никчемными интересами и проблемами.

Относительно же того, как в это время развивались события в жизни Василия Ерошенко, довольно подробно сообщают нам воспоминания Курамыцу Сома, Эгути Кийоси да и самого Ерошенко, известные под заглавием "Прощай, Япония!"

28 мая 1921 года правительство Японии вынесло решение о высылке Ерошенко из страны. Его ночью арестовали в "Накамурая". Поступили с ним варварски.

— Эта высылка, — скажет потом Эгути, — была осуществлена лишь путем грубого насилия... С ним обращались хуже, чем с бродячей собакой".

Три дня провел Василий Яковлевич Ерошенко в застенках полиции Йодобаси. Почти никого к нему не допускали, кроме хозяев "Накамурая", принесших его вещи, а Сома Кокко под присмотром полиции записала продиктованную ей в тюрьме сказку "Тесная клетка", которая сочинена за день до ареста. В предисловии к ней сам Ерошенко сообщает:

— Кое-кто говорит, что мои рассказы слишком несерьезны для взрослых и слишком серьезны для детей. Другие упрекают, что я беру искусство для пропаганды. Но я никогда не хочу выдумывать ложь для своих рассказов.

Я с самого начала их не усиливал. По-моему, моя жизнь сама склонна совершать искусство. Создавать рассказы, выступать с речью на собраниях, играть какую-то роль в обществе — это ничто иное, как дополнение к большому искусству, название которому жизнь.

И, прощаясь с Японией, он тогда же добавляет:

— Оставляя эту страну, я еще не знаю, куда направляюсь. Но любовь к человечеству и скорбь к обществу будет сопровождать меня до конца.

На другой день, то есть первого июня, полиция перепроводила его в порт Цуруга, где четвертого июня в сопровождении полицейского усадила на небольшой пароход "Ходзан-мару", делающий еженедельные рейсы из Японии до Владивостока. Через двое суток Ерошенко прибыл на российскую землю, занятую здесь в это время белыми и японцами. На Дальнем Востоке, в Приморье, почти до конца 1922 года шла гражданская война, поддержанная японской военщиной...

Вскоре пришлось Василию Ерошенко уразуметь все ее "прелести". Пробраться в Центральную Россию, где восторжествовала советская власть, ему никак не удавалось. Дважды у него была возможность переждать войну, временно притаиться и побыть простым мещанином. Во-первых, это ему предлагал во Владивостоке некий эсперантист Вонаго, в доме которого и поселился Ерошенко во время пребывания во Владивостоке. Сам Ерошенко вскоре вспоминал:

— Владивостокские эсперантисты хорошо меня знали и встретили весьма радушно.

И, во-вторых, сам Ерошенко вспоминал, что в доме Вонаго "жила одна девушка, Тося, с которой мы вскоре стали друзьями". И даже: "11-го июня около полудня мы с Тосей покинули Владивосток."

Кое-как они добрались до станции Уссури. Неподалеку в деревне жили родные Тоси, у которых и остановился Василий Ерошенко. Он вспоминал:

— Я решил погостить некоторое время у Тоси. И вот за много лет я снова очутился в русской деревне..."

Его уговаривали остаться там и переждать беспорядки в стране. Он даже "подумывал, не провести ли здесь всё лето."

Но деятельная натура не могла успокоиться. Попытка пробраться в советскую Россию так и не увенчалась успехом. В конце концов ему пришлось вместе с другими "беженцами" направиться пешком в переполненный Харбин.

8. В Китае.

Василий Яковлевич Ерошенко провел в Харбине три месяца, до конца сентября 1921 года. Здесь он приболел, хлопотал перед советскими представителями о проезде в Читу и далее, но безрезультатно.

Усиленно растущий город Харбин обязан своим развитием строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в начале XX века и выгодному расположению на пересечении торговых путей, в том числе и по реке Сунгари.

Ранее же это был небольшой рыбацкий поселок. Ко времени прибытия сюда в июле 1921 года Ерошенко обстановка в городе была сложной. Здесь по существу образовался "русский город" и даже по самой застройке и по населению из зажиточных людей, интеллигенции и белогвардейцев.

Но и в самом Китае к этому времени всё больше росло сопротивление захватнической политике многих государств, таких как Англия, США и Япония...

Как раз в июле 1921 года борьбу профсоюзов и крестьянских организаций возглавила возникшая коммунистическая партия.

Японские друзья, узнав о местонахождении Василия Ерошенко, пишут ему письма, сочувствуя, сообщают об издании его произведений в Японии и даже присылают деньги. Так, под редакцией Акита Удзюку на японском языке выходит сборник произведений Ерошенко "Песни перед зарей", а в журнале "Варера" и "Кайдзо" публикуются его сказки "Страна Радуги" и "Тесная клетка".

Сам Ерошенко продолжает писать новые сказки и воспоминания о своих невзгодах, теперь у нас опубликованные под названием "Прощай, Япония!". Увы, тексты сказок утеряны.

Изданная сказка "Страна Радуги" была сильно выхолощена японской цензурой.

Ерошенко читал эту сказку в полном виде в одном украинском клубе в Харбине. Потом она была издана и в полном тексте, в том числе и у нас сейчас. В сказке ярко описана участь простых людей, бедняков: всю жизнь трудиться и умирать с голоду. Произведение больше похоже на рассказ, где сказочность дана в виде сна умирающей девочки, что описано весьма трогательно.

Страна Радуги является мечтой обездоленных, страной, "где нет бедных, где все дети едят досыта и живут в сухой, теплой комнате, где вода не течет с потолка и ветер не дует в щели." Не хочет ли автор под этой страной представить новую Россию? Явный намек на мечту. Но идея в том, что надо самим сделать страну такой, чтобы она стала Страной Радуги. А как этого добиться? Ответ очень странный: "Когда вы подрастаете и будете трудиться, то старайтесь изо всех сил..." И еще в рассказе высказан протест против

благотворительности: пользоваться ею предательство, если других она не касается, а только отдельного бедняка. И постоянная мысль Ерошенко о такой трудной жизни: "Да. Может, лучше умереть, чем жить такой жизнью".

Концовка же совсем странная. Жена не хочет жить с мужем, чтобы не рожать детей, которых "ожидает голодная смерть", и она предлагает ему жениться на другой, а она хочет жить одна. Иметь детей беднякам "безнравственно. Так могут поступать только животные".

Не потому ли сам Ерошенко не был женат и не имел детей? Ведь он всегда считал себя бедняком и умер не только от болезни, но и от голода, как нищий.

И несколько слов о переводе. В тексте, сделанном на эсперанто Мине Йоситака, концовка рассказа дополнена. После слов матери идет: "Странно блестели глаза жены. Ее кулаки были сильно сжаты. С ее губ падала совсем свежая кровь на пол и покрывала его. Вечерняя заря на западе горела томно, как кровь.

Оба продолжительно держали глубокое молчание в этот тихий вечер.

— Хватит! Нам надо завтра чувствовать себя со свежими и светлыми силами. Лицо Хинокко было просветленным от спокойной радости. Маленькие белые розы печально источали запах, как будто сожалели, прощаясь с юной жизнью."

В русском переводе всё это пропущено, кроме последнего предложения, которое по смыслу искажено: "Маленькая белая роза источала нежный аромат, она прощалась со своей короткой жизнью".

В Харбине Василий Ерошенко проживал у своего японского друга Наканэ Хироси.

Но, видимо, самому было несладко и мысли, посещавшие его, были весьма невеселыми, печальными.

Это подтверждается и написанием им в то время стихотворения "Отчаявшееся сердце", которое иначе можно перевести как "Безнадежное сердце". В нем идею безнадежного поиска любви и дружбы поэт продолжает еще с большей силой, чем в "Предсказании цыганки".

Вместо друзей и братьев лирический герой находит диких зверей, чудовищ.

От безрезультатных поисков, бродя по всему свету, он устал и мечтает крепко уснуть и хотя бы во сне увидеть настоящих друзей и братьев. Здесь явно сквозит намек на встречаемых в Харбине тех русских, которые в то время наводнили город, ненавидя новую власть в России.

Один из молодых литераторов-эсперантистов в Шанхае, некий Ху Юй-чжи, пригласил Василия Ерошенко к себе. Ху Юй-чжи, родившийся в 1897 году, как раз в это время был так называемым делегатом УЕА в Шанхае и главным редактором эсперантской газеты "Ориента Ревуо". Впоследствии он был председателем Китайской эсперанто-лиги, а в КНР заместителем министра культуры.

Василий Ерошенко, конечно, был не прочь как-то изменить свою жизнь, больше узнать о Китае, а заодно избавиться от окружающего общества "выкинутых" русских...

1-го октября Василий Ерошенко покинул Харбин и через неделю оказался уже в Шанхае, одном из крупнейших городов мира, а не только Китая. В это время в городе было засилие и усиленное влияние японцев, и Шанхай прославился как каменные джунгли и как арена ожесточенных классовых боев.

Как вспоминал в 1961 году литературовед и переводчик Гэ Бао-цюань в статье "Лу Синь и В. Ерошенко", в Шанхае "китайский эсперантист Ху Юй-чжи написал статью "О слепом поэте Ерошенко", которая была опубликована в шанхайской газете.

Вскоре общественность Китая узнала о Ерошенко из пекинской газеты "Чэнь-бао", где ему 22-го октября 1921 года было посвящено литературное приложение.

А немного раньше в Пекине журнал "Синь циннянь" ("Новая молодежь") публикует сказки "Тесная клетка" и "На берегу" в переводах Лу-Синя. Вторая сказка имеет более точный перевод — "Возле болота". И вообще надо заметить, в русском переводе эта сказка очень сильно искажает текст, переведенный с китайского, который в свою очередь

переведен с японского оригинала. Каждый переводчик, видимо, занимается отсебятиной по своему вкусу. Например, в тексте на эсперанто: "На вечерней глади пруда карпы и караси собрались на пир. Они слушали молитву монахов". И то же в русском тексте: "Многие черные и красные карпы получили их и съели, показались на спокойной вечерней поверхности и слушали чтение".

И тому подобное и так далее, в том же духе. Только общий смысл сказки как-то сохранился. Начало ее басенное: бабочки — неопытная молодежь, желающая что-то сделать полезное, чтобы дольше светило солнце. Но есть лица, ничего не желающие изменить в мире (лягушки в болоте). И, наконец, власть предрешающие отправляют сыщиков (летучих мышей), чтобы схватить и обезвредить бабочек.

Интересна и знаменательная беседа между летучими мышами: а вдруг, мол, поймут не тех, и решают, что в этом нет никакой разницы.

Вторая половина сказки — сарказм в адрес карьеристов и их поучений для молодежи: "... каждый из нас должен оставаться на своем месте и довольствоваться тем, что имеет". И объяснение этой "мудрости" — "цель просвещения". И еще: "Главное в жизни — опыт". И тут же наставление: "...но откуда же появится опыт у молодежи, если она не будет ничего предпринимать?" И третье поучение старших: "говорят, что свобода — инстинкт человека. Но ведь инстинкт не всегда безошибочен", т.е. свобода — понятие, необходимость которого ставится под вопрос. И такие учителя процветают: получают премии от дирекции и становятся директорами школ, а профессора соответственно избираются в Академию.

Чуть позже (в январе 1922 года) опубликована Лу Синем в его переводе сказка "Мировой пожар", вероятно, написанная весной 1921 года в Шанхае.

В ней под пожаром подразумевается всемирная война, раздуваемая сумасшедшими политиками. С другой стороны, здесь можно видеть и нелегкую мечту анархистов о "мировой революции". От этой бредовой мысли — бессонница, столь знакомая и близкая автору. Но все же в конце сказки появляется мысль, что только сумасшедший "анархист с бомбой" мечтает разжечь мировой пожар.

"Но ведь разжечь костер во всем мире — об этом может мечтать только сумасшедший". И далее явно авторское — боязнь решения вопроса о революции во всем мире: "И все же мне не по себе, не знаю как быть". Ерошенко как бы сомневается в своем участии в разжигании этого "костра", то есть в сотрудничестве с социалистами и тем более с анархистами. Отсюда и бессонница...

А основное, глубоко волнующее и лирическое произведение, написанное Василием Ерошенко в Шанхае — это сборник новелл, а точнее, стихотворений в прозе, "Рассказы увядшего листка". У Василия Яковлевича уже появилось несколько друзей, которым он и посвящает эти прозаические стихи. Но, видимо, он все равно довольно сильно переживал свое духовное одиночество: в предисловии автор говорит о нем, как "на пустынном острове", имя которому Шанхай... В русском переводе опущена знаменательная строка: "Я был так одинок в большом незнакомом городе".

Глядя на увядший листок, одиноко оставшийся на огромном дереве, автор задается вопросами: "Разве каждый из нас не похож на этот листок? Разве мы не увядшие листья на огромном дереве жизни?" В заключение он выражает надежду, что своими рассказами он пробудит у читателей "добрые чувства в их сердцах" и "несколько добрых мыслей".

Все новеллы с печальными чувствами, вызывающие не только доброту, но и протест, гнев против существующего на земле зла. Так, в первом рассказе "Уличное дерево" говорится, что это дерево явилось свидетелем горькой судьбы народа Китая.

Со стихотворением роднит повествование и заложенный в нем ритм, перестановка прилагательных после существительных и ярко выраженный рефрен, например, здесь: "но ныне оно ничего не промолвит — сказать ни словечка не хочет, а почему — я не знаю". И эта фраза с небольшим изменением повторяется четыре раза!..

Вообще, следует отметить стиль Ерошенко — повторение слов весьма частое даже в одном и том же предложении, не говоря уже о соседнем. Зачастую же переводчики неправильно делают, что заменяют слова синонимами, тем самым коверкая оригинал. Всё это сказанное относится ко всем рассказам Василия Ерошенко и особенно в этом цикле коротких новелл "Рассказы увядшего листка".

Вторая новелла говорит читателю, что путь в страну мечтаний неизвестен: эта страна — только сон! Чувствуется намек, что она — снежная страна на севере, то есть Россия. Автор выражает свою тоску по ней, считая, что только там витает дух дружбы, свободы и правды. А для тех же китайцев преподносится мысль: надо самим построить эту страну мечтаний.

Следующая новелла озаглавлена: "Тайна одной маленькой девочки." Эта тайна заключается в том, что девочка любит больного туберкулезом брата и общается с ним ночью, чтобы этого никто не знал. Ее участь — она будет продана, чтобы было на что похоронить этого брата. Очень печальное стихотворение, навевающее грусть и полную безнадежность.

Четвертая новелла "Человек-лошадь" — это жалобы рикши на свою судьбу, обращенные к молчаливому дереву. Автор словами листьев называет рикшу "движущееся растение по имени "шанхайский рикша". И еще: "... сердце этого человека разорвалось от ненависти ко всему человечеству с его удивительной культурой, от проклятий небу и богам, создавшим мир и в нем человека, чтобы он превратил в ад". Вполне вероятно, что это голос самого автора, проклинающего свою адскую жизнь.

Рассуждением о невыносимо трудной судьбе пронизана и пятая новелла... Здесь — о нищенке-горбунье: "Со дня рождения судьба предназначила ей быть нищенкой; до ее последнего дня судьба предназначила ей быть насмешницей природы и людей; но судьба позабыла дать ей сердце из камня, чтобы могла она не чувствовать несправедливость Бога и жестокость людей; природа забыла дать ей в добавок к горбам на груди и спине голову без мозга, чтобы она не могла ни о чем думать." Опять же невольно возникает вопрос, не о себе ли самом говорит автор? Конечно, он всеми подобными новеллами старается пробудить жалость у читателя к людям, обделенным судьбой. Но ведь и он сам обделен ею. И ему судьба с детства готовила стать нищим с протянутой рукой. Значит, ему желательно, чтобы и его кто-то пожалел, полюбил...

Последняя новелла цикла — "Девушка с маленькими ножками". О происхождении древнего обычая в Китае — с детства девочкам бинтовать ноги — существует несколько легенд. Одна из них гласит, что у князя Чжоу-вана третьей женой была фазанья самка. И некие волшебники превратили ее в прекрасную женщину, но у нее вместо ног оказались фазаньи лапки. Для того, чтобы скрыть их, княгиня сделала себе изящные башмачки. Таким образом ее ножки всем казались просто прелестными, а походка изящной. И ей стали подражать другие женщины. Так появилась мода на маленькие ножки.

Другое предание повествует, что у одного танского императора лет тысяча назад была любимая наложница. Ножки имела она нежные и маленькие, как лепестки лотоса. Когда она танцевала, пол устилала пластинками золота, похожими на лепестки лотоса. И эти ножки в танце воспел поэт-император в стихах. Все красавицы страны старались ей подражать. Маленькие ножки стали изображать тем же иероглифом, что и цветок лотоса, а женская походка стала именоваться "лотосовыми шажками". Чтобы у женщин были эти маленькие ножки, им с малых лет стали стягивать ноги бинтами. Сперва такая мода была у знати, а потом у многих из народа, даже у нищих.

Ерошенко, конечно, был возмущен таким уродливым обычаем создавать "красивые" маленькие ножки. И кроме этого в новелле он выражает протест, что многие юноши в Китае думают "всегда только о богатстве", что жизнь калечит юные души, делая их рабами денег, алчными тварями, "жадными до денег, готовыми за золото продать всё и

вся..." А человеческой любви на земле предназначено только утонуть в водах реки, как это делает девушка с маленькими ножками в новелле.

В Шанхае, помимо творчества и прогулок с новыми друзьями, Василий Ерошенко еще и зарабатывает на хлеб, массируя двух женщин.

Его произведения получают всё большую известность в Китае: многие переводят их с японского или эсперанто на китайский язык, в том числе и такой пропагандист европейской литературы, писатель-демократ, как Лу Синь (1891-1936). Это его одни из наиболее известных псевдонимов, а его настоящее имя - Чжоу Шу-жэнь.

Прославился он как родоначальник современной китайской литературы, яркий публицист и литературовед. Его популярная повесть "Подлинная история А-Кью" в некоторой мере сродни с Чеховым и Максимом Горьким. А многие новеллы, например, в сборнике "Дикие травы" весьма упаднические стихотворения в прозе и как-то похожи с таким же жанром Василия Ерошенко. Оба чуть-чуть романтики, мечтатели, и оба бичуют несправедливости в обществе.

Лу Синь переписывается с Ху Юй-чжи и Мао Дунем, в основном, по поводу перевода и издания произведений Ерошенко, в частности в отношении сказки "Мировой пожар".

В январе 1922 года она была опубликована в шанхайском журнале "Сяошо юэбао" в переводе Лу Синя на китайский язык, вероятно, с японского оригинала.

И тогда же опубликован очерк Ерошенко на языке эсперанто "Пушки гремят вдали" в журнале "Верда Лумо" #1, 1922 г.

Здесь следует сказать несколько слов об упомянутом Мао Дуне, сыгравшем определенную роль вместе с Ху Юй-чжи в шанхайский период жизни Ерошенко, а так же и в дальнейшем. Мао Дунь - известный у нас китайский писатель, критик, переводчик и общественный деятель. Это его один из псевдонимов, а настоящее имя - Шэнь Янь-бин. Он был одним из тех литераторов, кто своими переводами и статьями способствовал включению западной, в том числе и русской, литературы в китайскую. Как критик, Шэнь Янь-бин довольно много литературоведческого писал о Достоевском и Максиме Горьком, в конце 20-ых годов по 40-ые творил рассказы и романы. В КНР с 1949 по 1964 год занимал пост министра культуры и уже художественных произведений не писал.

Очерк Ерошенко "Пушки гремят вдали" больше похож на первомайскую прокламацию против войны, которую в это время вели отдельные правители-генералы Китая друг против друга.

И еще: "исторические" сведения о возникновении в апреле 1921 года в Шанхае эсперанто-журнала "Верда Лумо", где потом печатались многие произведения Ерошенко. Главная цель журнала — пропаганда эсперанто, что весьма радует Василия Ерошенко, возлагающего на него большие надежды как арену борьбы с милитаризмом и за права простого народа.

Здесь также — излюбленный стиль Ерошенко: рефрен... Он вынесен в заглавие очерка.

При Пекинском университете профессора, знавшие эсперанто, организовали Специальную школу (курсы) по изучению этого языка. И Лу Синь с братом пригласили Ерошенко тоже преподавать эсперанто. В конце февраля 1922 года Василий Яковлевич уже в Пекине, где оказался длительным гостем Лу Синя и его братьев на тихой улочке Бадоувань. Пекин, столица страны, древний и красивейший город. Его многочисленные дворцы с поэтическими названиями и парки по берегам озер придают городу неизгладимое впечатление. В нем для Ерошенко оказалось необычайное удобство: все улицы прямые — или с юга на север, или с востока на запад, а кварталы и дворы прямоугольные. Вот уж не заплутаешь и не заблудишься!..

Василия Ерошенко поселили в отдельном флигеле для гостей. Жена Чжоу Цю-женя и ее сестра были японками, их дети да и сам Лу Синь отлично говорили по-японски: в молодости он жил и учился на врача в Японии. И Ерошенко мог свободно общаться со всеми окружающими в довольно большом семейном сообществе.

С Лу Синем у него сложились дружеские отношения. У них было сходное мировоззрение, оба любили работать по ночам, как и беседовать друг с другом. Вот только Лу Синь в отличие от Василия Яковлевича много курил, особенно во время творческой работы.

Один из токийских студентов, друг Ерошенко, в своем письме выразил желание встретиться и погостить у него в Китае на своих каникулах. Это был Фокуока Сэйити, бывший ученик Ерошенко по языку эсперанто, а в дальнейшем он стал журналистом и издателем. Лу Синь приветствовал приглашение, и Фокуока пробыл почти три недели весной 1922 года "бок о бок с Ерошенко".

Они вместе осматривали достопримечательности Пекина и его окрестностей, разъезжая на осле. Об этом Фокуока подробно описал в своих воспоминаниях, хорошо у нас известных. Кстати, замечательны в них слова о Ерошенко: "В Пекинском университете к нему относились с уважением, но близких друзей у него там, кажется, не было".

Раньше, в начале 1922 года Василий Ерошенко, видимо, использовал каникулы в университете для того, чтобы попутешествовать и ознакомиться с еще неизвестной стороной культуры Китая. Для этого он предпринял поездку в Тибет.

Есть воспоминания на этот счет некоего Е.И. Дрындина, бывшего ученика Василия Яковлевича по Московской школе для слепых детей, когда В.Я. Преподавал там английский язык. Утверждается, что Ерошенко в мае 1947 года сам рассказал интересные подробности. Он с проводником поднялся только до высоты в три с половиной тысячи метров, где установлен столб, дальше которого никому не разрешалось вступать в священную территорию Тибета. Расплатившись с проводником, Ерошенко продолжал путь, но метров через двести он случайно уронил трость, которая покатилась и, как он понял, упала в пропасть.

Слева росли деревья и кустарники, где он с трудом сломал ветку, послужившую ему новой тростью. Перевал был на высоте более пяти тысяч метров.

Держась левой стороны, он почувствовал, что вскоре и справа уже не пропасть, а неприступная скала. Через некоторое время Ерошенко услышал вдалеке разговор монахов о себе. Идет, мол, пьяный, а скорее всего — слепой: шарит палкой по земле. Их речь Ерошенко понял потому, что у него в университете был сопровождающий из тибетцев, помогавший уяснить многие слова. Может быть, это обстоятельство даже послужило причиной самого путешествия в Тибет.

Но продолжим развитие событий с Василием Яковличем, как излагает их Евгений Дрындин. Подошедшие монахи с удивлением установили, что он русский и без поводья, которого он отпустил у "столба". Пошептавшись между собой в некотором отдалении, монахи молча отвели Василия Ерошенко "куда-то" на недолго. Потом усадили на каменную скамью и, попросив подождать их возвращения, покинули его. Вернувшись вскоре, минут через десять, они заявили, что его захотел видеть сам далай-лама. Беседа затянулась более, чем на два часа, — о России и русской литературе. Лама говорил, что сам он больше всего любит английскую прозу и особенно поэзию.

И он приказал монахам проводить Василия Яковлевича всюду и все показать. Так он узнал многое о тибетском монастыре и жизни окружающих его тибетцев, а также более подробно о китайском буддизме и его разновидностях — ламизме, своеобразном синтезе почти всех форм и доктрин буддизма.

В это время в Шанхае осуществлена публикация сборника "Сказки Ерошенко" в переводе Ху Юй-чжи. В этой книге помещена его новая сказка "Башня, предназначенная упасть" (упоминается А. Харьковским как "Падающая башня" — "Turo por fali"). Эта сказка больше для взрослых, чем детская. Она явно дидактического характера, с поучением в эстетическом и этическом смысле. Например, такая сентенция: гордыня — грех. В конце автор, как и многие в молодости, сетует, что жизнь потрачена на мечты, на воздушные замки, а не на простые житейские дела.

В июле 1922 года Василий Ерошенко, как делегат от Пекинского университета на XIV Международный конгресс эсперантистов, отправился в Финляндию через Россию. В Чите он после таможенного досмотра и проверки документов покинул международный вагон и смешался с простым народом, переполнявшим тогда поезда. В Москве он еще успел повидаться с некоторыми своими друзьями и поспешил объявиться "иностранцем", чтобы успеть на конгресс в Хельсинки к началу августа. К сожалению, почти нет достоверных сведений о его пребывании в Финляндии, кроме различных выдумок.

С конца августа по октябрь Василий Ерошенко снова посещает друзей в Москве. Давид Львович Арманд (1905-1976), доктор географических наук, известный путешественник и эсперантист, вспоминал, что он в конце августа 1922 года видел Василия Ерошенко. Ерошенко навестил Анну Николаевну Шарпову в Пушкино под Москвой, где она преподавала иностранные языки в школе-интернате, основанной матерью Д.Л. Арманда, и где учился сам Д.Л. (Тогда ему было лет семнадцать).

Василия Яковлевича он описывает так: "... высокий мужчина, с длинными светлыми волосами, кругло остриженный, хотя с лицом, поврежденным оспой". Вечером Василия Ерошенко попросили рассказать о себе, и он говорил в течение двух-трех часов, в основном, о своем пребывании в Англии и многих странах Востока, особенно о Японии. Помощником же в путешествиях был, главным образом, язык эсперанто. Именно под впечатлением этой встречи юный Давид Арманд тоже выучил эсперанто и задумал целью стать путешественником.

Есть сведения из воспоминаний сестер, что Василий Ерошенко в это же время наведывался в родную Обуховку.

По всей видимости, уезжая из Пекина, Василий Яковлевич рассчитывал остаться на родине, куда так давно стремился. Это видно из высказывания Лу Синя, который в новелле "Утиная комедия" выражает свою тоску по Ерошенко и уверенность, что его гость и друг покинул Китай навсегда.

Надо полагать, что он-то знал планы своего русского друга. Но какие-то обстоятельства заставили Василия Ерошенко вернуться в Пекин. Видимо, плачевное состояние родины, разруха и голод в стране, а по некоторым сведениям и уговоры кое-кого насчет пользы его работы в Пекине как пропагандиста русской культуры и литературы в Китае — все это послужило причиной возвращения.

Существует версия, что одним из советчиков о возвращении Ерошенко в Китай был писатель Сергей Михайлович Третьяков (1892-1939), который позже, а именно, в 1924 году сам преподавал курс русской литературы в Пекинском университете. Он был особенно известен на шумевшей антиколониальной пьесой "Рычи, Китай!"

4-го ноября 1922 года Василий Ерошенко прибывает в Пекин, Лу Синь был очень рад неожиданной встрече. Их дружба продолжается по-прежнему, но теперь Василий Яковлевич более активно действует на литературно-публицистическом фронте.

Он читает лекции по русской литературе не только в университете, но и в женском колледже при нем. Кроме того, публикует в прессе ряд статей. Больше всего он пропагандировал писателя Леонида Николаевича Андреева (1871-1919), который по духу своего творчества во многом был близок самому Василию Ерошенко.

Леонид Андреев в своих рассказах и пьесах обличал царившие порядки в стране, показывая жизнь городской бедноты с сочувствием к бесправному "маленькому человеку", к "униженным и оскорбленным". В его творчестве — призывы к моральному очищению, к всеобщему братству, ноты пацифизма и анархизма, осуждение вообще всякого насилия.

В начальный период (до революции 1905 года) выступления Леонида Андреева в художественной и публицистической литературе были довольно революционными по тому времени, близкими творчеству Максима Горького. Известен ряд статей Василия Ерошенко, опубликованных частично, когда самого автора уже не было в Китае. Так, в "Цзюэу" ("Пробуждение"), приложение к шанхайской газете "Миньго жибао" от 12

декабря 1922 года в китайском переводе опубликована статья Василия Ерошенко "Место русской литературы в мире", "Андреев и его пьесы" ("Цзюэу", январь, 1923) и в феврале здесь же продолжение о драме "Царь Голод"; то же название статьи в конце января 1923 года в "Чэнь бао фуцзюань", а в конце 1924 года — "Андреев и его символические драмы" в том же приложении к газете "Чэньбао".

Сам Василий Ерошенко в это время увлекается театром вообще и особенно только появляющейся "разговорной драмой" (европейского толка).

До этого он написал пьесу и помог Лу Синю перевести ее на китайский язык.

Это — "Персиковое облако" ("Розовое облако"), ставшая несомненным достижением в творчестве Ерошенко.

В газете "Чэнь бао" от 6 января 1923 года опубликована его статья "Заметки о спектаклях студентов Пекинского университета и учащихся женского колледжа "Яньцзин". Все эти статьи Василия Ерошенко неизвестны нам ни на русском языке, ни хотя бы на Эсперанто. Да и существуют ли они у нас на китайском? Лишь когда они станут достоянием гласности, как и многие его художественные произведения, тогда можно полнее говорить и о мировоззрении писателя и более точно о его деятельности. А пока можно только бездоказательно сказать об огромной пользе и вкладе в публицистическую и литературоведческую литературу тогдашнего Китая.

В январе 1923 года, на зимних каникулах в университете Василий Яковлевич Ерошенко снова путешествовал по Китаю. По всем данным, он был в Ханьчжоу и Шанхае. Вполне возможно, что посещение Шанхая связано с опубликованием сборника "Стон одинокой души" (на эсперанто). Предисловие к сборнику написал сам издатель и друг Ху Юй-чжи. Здесь же опубликованы стихотворения Василия Ерошенко. И одно из них "Безнадежное сердце" у нас в сборниках не опубликовано.

Только в повести А. Харьковского приведено под заглавием "Отчаявшееся сердце", но перевод сделан в сокращении и искажении. Например, в тексте нет слов: "Их лица темны и суровы, как скалы, Сердца их — как ночь в этом крае печали..."

А последняя строфа в прозаическом переводе имеет следующий вид:

"И теперь я устал, хочу отдохнуть

В сердечных объятиях любящего существа,

Крепко уснув, я увижу вечный сон

Об отыскиваемых всюду брате и друге."

Конечно, "вечный сон" можно понимать и как "длительный сон", а словами "могильная земля" и "нерусское кладбище" здесь и не пахнет. "Братья" не его ищут, а автор всюду сам их ищет, что ведь и видно из начала стихотворения.

В этом же переводе Харьковского стихотворение помещено на обложке журнала "Наша жизнь" за декабрь 1989 года.

Василий Ерошенко, как и в предыдущем году, добился своего направления на следующий всемирный эсперанто-конгресс в Нюрнберг через Россию.

И в связи с предстоящей трудной дорогой уже в апреле собрался окончательно покинуть Китай. Из дневниковых записей Лу Синя известно, что состоялся прощальный ужин для восьми человек в ресторане 16 апреля 1923 года.

А на другой день еще запись в дневнике: "Ерошенко уехал на родину".

9. В Европе.

На этот раз путь до Москвы был проще и без особых осложнений. Поэтому сведения почти отсутствуют. Только есть упоминание, что его "сопровождали японский инженер Кады Сомната с женой".

Уже в мае Ерошенко был в Москве, где встретился с друзьями, а также с эсперантистами, в том числе из тех, с кем знакомиться вновь, например, с председателем СЭСР (Союз эсперантистов Советских республик) Эрнестом Дрезеном и другими.

Василий Ерошенко присоединился к российской делегации на XV Международный эсперанто-конгресс в Нюрнберге. Попутчики шутили, что с ними едет и "китаец" Ерошенко: у него был мандат от Пекинского университета.

Основным сопровождающим по Германии и другом Ерошенко зрячий эсперантист Интс Чаче, учитель школы слепых в Риге. Впоследствии (в 1965) Инс Чаче в письмах к А.И. Масенко вспоминал:

— В 1923 году я вместе с Ерошенко участвовал в Третьем международном конгрессе слепых эсперантистов в Нюрнберге (Германия). Две недели мы жили в одной комнате, ежедневно принимая участие в официальных рабочих заседаниях, и вместе совершили экскурсию в Роттербург. А перед конгрессом одну неделю мы вместе провели в гостинице Йости в Берлине.

И Чаче добавляет, что сам он был избран главным секретарем Универсальной Ассоциации слепых эсперантистов.

В другом письме Интс Чаче вспоминает об обстановке в то время в Германии. Тогда как раз там была инфляция небывалых размеров: с каждым днем катастрофически падала немецкая валюта. А товары все были "эрзац". Так, одежда была сделана из бумаги, дешевая. И Ерошенко, несмотря на предупреждения товарищей, которых он посчитал просто завистливыми, клюнул на хитроумную удочку, (рубашка стоила, например, шесть центов на американскую валюту!), понакупал массу вещей — более двадцати чемоданов!...

Известно, что во время XV универсального эсперанто-конгресса, который предшествовал третьему международному конгрессу слепых эсперантистов, Василий Ерошенко участвовал в конкурсе декламаторов. Он декламировал собственную поэму "Предсказание цыганки" и удостоился первой премии за образцовое произношение на эсперанто. Эта поэма в четырнадцать строк дышит глубоким пессимизмом. Впервые она была прочитана еще 10-го февраля 1920 года на Седьмом Конгрессе японских эсперантистов, где автор декламировал ее, сопровождаемый переводом на японский язык Акита Удзюку. В поэме цыганка обращается к влюбленной девушке, утверждая, что "Длительная любовь, длительная радость — всего лишь напрасная, красивая надежда: в мире всё меняется, всё проходит на земле". От страданий один выход — кинжал или яд. Вывод: нельзя быть слишком доверчивым и в дружбе, и в любви; надо не забывать о существовании предательства и обмана, с которыми, надо полагать, не раз встречался и сам поэт в своей жизни, в своей судьбе. И этому можно только посочувствовать, но помочь невозможно. Дословно:

"Ведь не существует колдовства

Против неизбежной смерти,

Не существует талисманов

Против ниспосланной судьбы..."

Вероятнее всего, по причине упаднического содержания поэму избегают публиковать в отечественных сборниках. В повести А. Харьковского "Человек, увидевший мир" она помещена в очень сокращенном переводе самого Харьковского.

Этот же перевод на обложке журнала "Наша жизнь" за декабрь 1989 года.

После участия в нюрнбергских конгрессах Василий Ерошенко отправляется в Лейпциг, где как раз проходила одна из знаменитых Лейпцигских ярмарок.

Он так внимательно ощупывал экспонаты и так подробно обо всем спрашивал, что господин Диттерле, профессор Лейпцигского эсперанто-института, был поражен его впечатлениями от ярмарки и заявил: "Я констатирую, что наш слепой единомышленник Ерошенко увидел больше, нежели кто-либо из высказывавшихся зрячих!"

Но не только ярмарка интересовала Ерошенко, он был неутомимым в расширении своих познаний: там же, в лейпциге он посетил музей графики и стал завсегдатаем библиотеки для слепых. Ерошенко явно стремится к самообразованию, старается

пополнить свои знания. Видимо, с этой целью он и совершает поездку в Геттинген. Ведь там, как вольнослушатель, он мог посещать знаменитый Геттингенский университет. И только в конце декабря он возвращается в Лейпциг. Здесь Ерошенко остановился у своего слепого друга скрипача Фрица Бунге.

В своих воспоминаниях эсперантист Отто Беслер, лично знавший Ерошенко, пишет в журнале "Пацо" (#7-8, 1970): "Фриц Бунге умер еще в 1935 году. Но его жена Марта Бунге хорошо помнит, что в 1923 году, за несколько дней до рождества, Ерошенко приехал в Лейпциг, где оставался до наступления 1924 года."

Марта Бунге с юмором рассказывала, как, между прочим, Ерошенко тотчас после прихода в их квартиру услышал запах пирогов...

И еще: "...рождественские пироги ему особенно пришлись по вкусу, и супруга Бунге этим была очень довольна".

А замечание Беслера, что "Ерошенко был страстным пловцом", добавляет: "Как-то Марта Бунге сопровождала его в летний бассейн. Там от страха она чуть не упала в обморок, так как Ерошенко, по ее мнению, слишком подолгу и слишком часто нырял".

В другом месте Беслер пишет: "...Ерошенко несколько раз выступал с речами на собраниях групп рабочих-эсперантистов в Лейпциге. Ерошенко эмоционально говорил о положении в Китае. Его рассказы были сердечными, что характерно для его личности".

Там же Беслер сообщает, что Марта Бунге познакомила с Ерошенко некоего Альфреда фон Хайда, который в Лейпциге стал его сопровождающим. И потом вспоминавшего, что "слепой видел ушами и пальцами".

И еще интересен эпизод из жизни и настойчивого характера Василия Ерошенко.

"Так как Ерошенко слишком затянул командировку от Пекинского университета, то пришла телеграмма, что ему не будут присылать жалованье, если он сейчас же не вернется! В свою очередь Ерошенко телеграфировал, что никогда не вернется в Пекин, если не станут высылать жалованье. И как следствие — жалованье прибыло!"

Вообще же Ерошенко как необычная личность среди европейцев имел повышенный интерес, как и в странах Востока. Так, например, известна открытка с изображением Василия Яковлевича, идущего с вещевым мешком на спине на фоне здания, где проходил Нюрнберский эсперанто-конгресс. Но не известно, кто был художником и издателем. Один экземпляр был у И. Я. Бриля, который отослал ее И.В. Сергееву в Москву, собиравшему материал для книги о Ерошенко. Бриль не смог добиться возврата открытки, а вскоре Сергеев умер. Его дети не могли поделить между собой наследство, разъехались и лично мне не удалось их найти.

Даже неизвестно, была ли эта открытка цветной или черно-белой.

А выдумщики-журналисты приписывают, будто на открытке была изображена и гитара. Весьма сомнительно, чтобы вообще с нею Ерошенко был в Европе.

Сам Ерошенко в статье 1932 года "Под дубиной миллиардеров" вспоминал, что в 1924 году он был в Париже и беседовал с господином Жоржем Равератом, известным издателем по Брайлю и стоявшим во главе международной благотворительности слепым. Все это очень интересовало Ерошенко, но он был крайне возмущен, что благотворительность не осуществлялась ни для Германии, ни для советской России, когда в последней царил голод, и слепые просто бедствовали.

Из других источников известно, что в Париже Ерошенко подружился со слепым 27-летним писателем Тристаном Реми, впоследствии ставшим коммунистом.

Вероятно, они вместе посещали эсперантскую библиотеку, а также различные лекции в Сорбонне, прославленном Парижском университете. Он основан в 1253 году Робертом Сорбонским. Здесь, на берегах Сены, горит настоящий светоч знаний и духовной жизни для молодежи со всех концов мира.

Из письма к автору данного повествования от В.Г. Першина, ученика Ерошенко, известно, что в Париже Василий Яковлевич в кафе "Режанс" сыграл партию в шахматы с Александром Алехиным (1892-1946), будущим чемпионом мира.

О нем интересно упоминает Лев Любимов в своих воспоминаниях "На чужбине": "Достигнув всемирной шахматной славы еще юношей, Алехин уверовал в свою звезду". И еще: за границей "шахматным королем называли А.А. Алехина, и так он сам себя называл". Не удивительно, пропагандируя и восхваляя шахматы, у Василия Ерошенко перед учениками школы для слепых вырвалось "хвастовство", что, мол, он играл с самим Алехиным, хотя это и не характерно для сверхскромного Ерошенко.

И не удивительно! В этом кафе "Режанс", на улочке недалеко от Лувра, играли в шахматы: Вольтер, Руссо, Дидро, Бенджамин Франклин, Наполеон, а Тургенев здесь часто выигрывал. Александр Котов в романе "Белые и черные" восклицает: "Кафе "Режанс"! Сердце каждого шахматиста не забьется при виде этого места! Как много значил в истории шахмат, да и всей культуры человечества этот маленький приют больших людей!"

Летом 1924 года Василий Яковлевич направился в Австрию. В ее столице Вене собирались в очередной раз со всего мира эсперантисты. После XVI Всемирного эсперанто-конгресса состоялся и 4-й конгресс слепых эсперантистов, где повстречались Василию Ерошенко многие старые друзья и знакомые, в том числе и Меррик из Англии. На этом конгрессе возникла и оформилась Универсальная ассоциация слепых эсперантистов.

На конгрессе произошел скандальный инцидент с Василием Ерошенко. Но рассмотрим его издали. Э. Дрезен в своем труде на эсперанто "Аналитическая история эсперанто-движения", изданном в 1931 году в Лейпциге, писал, что в связи с подъемом революционного движения среди эсперантистов правительства стали косо смотреть на всех эсперантистов, хотя другие доказывали их нейтральность. "Агент венгерской полиции А. Марин после 1922 года все свои силы направил на создание прочной международной организации эсперантистов-полицейских. В 1922 году он начал издавать даже специальный журнал "Полицейский". Эти действия должны были специально повлиять на правительства разных стран и показать им достойный внимания факт, что эсперанто, используемое определенными революционерами, так же хорошо может быть используемым, защищающими теперешний общественный строй".

Вееран-эсперантист из Брно (Чехословакия) Рудольф Крхняк в письме к А. И. Масенко от 16-го декабря 1970 года сообщает:

— Я познакомился с Ерошенко в Вене во время эсперанто-конгресса в 1924 году. Тогда мы много беседовали о русской литературе. Он даже пригласил меня на эсперантское театральное представление. Но мой зрячий брат энергично отказался сопровождать нас. Ерошенко носил всегда грязную русскую рубашку, и мой брат считал это неподходящей одеждой для театра. Во время одного заседания на главном конгрессе сообщалось о деятельности международной ассоциации полицейских-эсперантистов. Ерошенко встал, ударил кулаком по столу и закричал: "Не говорите о полиции! стыдно для эсперанто говорить о полиции. Мы не участвуем в совещаниях, где говорят о полиции!.. И он шумно покинул зал".

Видимо, Василий Яковлевич еще хорошо помнил действия над собой японских полицейских, как и им подобных в других странах.

После Венских конгрессов Ерошенко вернулся в Лейпциг к Францу Бунге. А то, что Василий Яковлевич был довольно-таки популярен, доказывает такой факт: как-то в Лейпциге его попросил позировать немецкий художник Р. Рудольф, который и написал великолепный портрет на шелке. На нем в большом повороте и немного склоненном лице весьма оживленное выражение: чуть ироническая улыбка с горестно сдвинутыми бровями и волевой подбородок, выражающий настойчивый и независимый характер. Особенно замечательны спокойно скрещенные руки. Справедливо сказать о них - прекрасны длинные и красивые пальцы. Они были не просто чуткими и "видящими". Левая ладонь лежит на книге, вероятно, брайлевской. Они так привыкли к выпуклым точкам на плотной бумаге!..

Авторская копия портрета в настоящее время находится в Музее истории города Лейпцига в отделе рабочего движения. На присланной копии-фото указано, что картина большого формата и написана Р. Рудольфом в 1924 году в Лейпциге.

К сожалению, других подробностей не указано. Оригинал был подарен Василию Ерошенко и в раме был в Обуховке у Веры Ивановны Сердюковой, от которой и перекочевал в редакторский кабинет Кепова, а затем таинственно исчез...

Вскоре же Василий Яковлевич решает покинуть Европу. С Германией к тому времени были уже нормальные дипломатические отношения, и он без особого труда выхлопотал разрешение вернуться на родину, на жительство в новой России.

В Гамбурге сел он на советский пароход, направляющийся в Ленинград.

10. На родине.

Итак, окончательно в обновленную Россию Василий Ерошенко прибыл в начале сентября 1924 года. В своих воспоминаниях, частично опубликованных, Эдуард Яковлевич Галвин (1890-1971), потерявший зрение на гражданской войне и затем ставший известным деятелем ВОС, писал: "1924 год. Летний день. Рабочие щеточного цеха артели "Ослепленный воин" (Ленинград, Каменный остров, 2) после обеденного перерыва принесли с собой в мастерскую свежую новость для разговора: в общежитие к Прейсу приехал гость.

Приезд товарища или просто знакомого к одному или другому из проживающих в общежитии — не редкость. Но на этот раз приезжий возбудил особый интерес. Вокруг него возникли разговоры, которых хватило до конца рабочего дня.

"Всезнайки" информировали: приезжий — эсперантист, поэтому он и остановился у председателя общества слепых эсперантистов — Прейса, хотя раньше они не были знакомы. Гость — Василий Яковлевич Ерошенко странствовал долго по многим странам. В.Я. Ерошенко согласился вечером рассказать о виденном во время своих путешествий. В красном уголке собрались десятка два любознательных. Рассказа, в прямом смысле слова, не было. Был разговор, была беседа. Говорил Ерошенко свежим тенорком, без лишнего пафоса, с теплотой и сердечностью, привлекая внимание собравшихся".

Так началась общественная жизнь Ерошенко на родной стороне. Конечно, непривычные условия вызывали у него определенный интерес, но, вероятно, он в первую очередь направился через Москву в Обуховку к родителям, где и пребывал почти до конца 1924 года. Известно, что официально с 20-го декабря 1924 года Ерошенко был "инструктором русского языка" Японской группы при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в течение двух лет, то есть до конца 1926 года.

Как он туда попал?

Ответ на этот существенный вопрос находим в воспоминаниях Касуги Сицодзицо (других сведений отыскать не удалось — КУТВ оказался весьма засекреченной организацией). В сокращенном и приглаженном виде эти воспоминания опубликованы в "Избранном" (1973).

Прибывшие японские деятели рабочего движения, юноши от 18 до 22 лет, нуждались в переводчике, и, вспомнив о существовании в Японии Ерошенко, Касуги настойчиво попросил отыскать его для них: "Мы попросили начальство университета о разрешении вопроса с переводчиком желательно с помощью Ерошенко, а иначе мы не останемся в Советском Союзе". И начальство похлопотало, разыскало Ерошенко, и вскоре он оказался у них в качестве учителя русского языка.

Существуют и безосновательные домыслы, что он для японцев был переводчиком основных трудов компартии. Ерошенко им показался таким, как они его представляли, но по сравнению с портретом Накамура "не совсем таким молодым".

И еще Касуги отмечает, что Ерошенко "...проявлял усердие. Он часто с нами гулял, посещал оперу, театр и кино за наш счет". И для общения с жизнью русских даже водил их в простые семьи.

Когда летом 1925 года японских студентов отправили на дачу в Подмоскowie, поехал с ними и Ерошенко. Кровать его была рядом с кроватью Касуги, и тот в своих воспоминаниях пишет, что Ерошенко просил ежедневно читать ему газету "Правда", поправляя произношение: "Товарищ! Что это? Читай более твердо! Ну, еще раз с самого начала твердо!"

Был и каверзный вопрос японца об отношениях руководства университета к Ерошенко и его самого к большевикам и Октябрьской революции. Знаменательно, что ответ был с заминкой и обдуман: "Ерошенко продолжал молча шагать и со вздохом, будто пытаюсь что-то рассмотреть, заговорил очень быстро, что правительство очень хорошее, он поддерживает большевиков и помочь ему — наш долг". А руководство университета ничего не предупреждает, "напротив, успокаивает..."

Из воспоминаний ясно, что миссия Ерошенко окончилась в конце 1926 года, когда студенты вернулись в Японию.

В то время как Василий Ерошенко трудился в КУТВ на "благо" всемирной революции, в стране оживилась общественная жизнь слепых. Так, еще перед возвращением Ерошенко на родину в апреле 1924 года вышел первый номер журнала "Жизнь слепых" по Брайлю. Он печатался в подвальном помещении школы слепых на Первой Мещанской улице (проспект Мира). Инициатором издания был писатель А.П. Белоруков, работавший, как и другие, на голом энтузиазме. Одной из помощниц была и Зинаида Ивановна Шамина (1905-1984). Наблюдается небольшое расхождение в дате ее знакомства с Ерошенко. Она сама рассказывала автору этих строк, что познакомилась с Ерошенко в 1925 году и дружила с ним до конца его жизни.

Но в ее опубликованных воспоминаниях год их знакомства назван 1924. В 1925 году было оформлено Всероссийское общество слепых (ВОС), существующее и по ныне. Вскоре и Ерошенко стал втягиваться в общественную работу Москвы. Так, по словам Анны Ивановны Ильиной, которая в это время работала в качестве эсперанто-цензора, она вместе с Ерошенко участвовала в VI-м Международном пролетарском эсперанто-конгрессе. Проходил он в Ленинграде в августе 1926 года под эгидой Всенациональной всемирной ассоциации (SAT), в то время считавшейся пролетарской. В честь этого конгресса у нас в стране выпущены даже две почтовые марки с надписью на эсперанто. На их рисунках изображен Обелиск в честь Советской Конституции в Москве.

На этом конгрессе Ерошенко выступил с небольшой речью и побудил Ильину тоже выступить, Настаивая, мол, расскажи как к тебе, к твоей судьбе имела отношение советская власть, что ты учишься на рабфаке, о тебе заботится государство. Так она и сделала, произнесла эмоциональную речь. Еще Ильина добавила другие свои воспоминания о Ерошенко. Она хранила у себя литературу, выписывала для него английские, французские и итальянские брайлевские журналы, которые приходили на ее адрес.

Ерошенко всё больше связывает свои интересы с общественной работой по вопросам связи с зарубежными гостями и письмами из разных стран. И вообще в это время в стране происходит расцвет эсперанто: издаются книги, учебники, словари.

После работы в КУТВ Ерошенко направляется сперва в Обуховку к родным, а затем на Кавказ, а точнее в станицу Горячеводскую (Горячеисточненскую). Одно время до революции станица называлась Барятинской. А в это время там жили его брат Александр и самая младшая сестра Нина. И летом 1927 года Василий Яковлевич навестил их.

Станица расположена на восточной оконечности Терского (Надтеречного) хребта.

К западу видна вершина возвышенности Ястребиной (184 м), к югу — ее отроги.

На востоке — невысокий Драгунский хребет (высшая точка — 388 м).

Окружающие горы покрыты лесом. К северу, почти рядом, примыкает станица Толстой-Юрт (б. Старый Юрт), а далее — степь.

Во время пребывания там Василия Ерошенко станица Горячеводская еще именовалась курортом имени Ленина. Дело в том, что в это время здесь уже располагался санаторий, но сам курорт был неблагоустроен, находился почти в диком состоянии.

Станица расположена между двумя группами горячих источников, выходящих в виде водопадов из горы Каменной. На западе — два источника и на востоке от станицы восемнадцать таких извержений минерального кипятка.

На одной из дореволюционных открыток изображены курортники у каскада этих горячих источников, над которыми вьется пар. Зрелище, конечно, изумительное!

Минеральная вода относится к серносолянощелочной, водное лечение которой очень полезно от ревматизма, воспаления почек и многих других болезней.

Вода стекает ручьями в сооруженный пруд, где купаются больные. Имеются и ванны. Надо полагать, что Василий Яковлевич не преминул поплавать в теплых и целительных водах пруда, а также побывал со своими родственниками на экскурсиях по живописным окрестностям станицы. А в городе Грозном был, скорее всего, проездом. В нем, особенно возле железнодорожной станции, даже было трудно дышать от копоти при переработке нефти...

Осенью 1927 года Василий Ерошенко опять в Москве, а 7-го ноября — на Красной площади, где торжественно отмечалось десятилетие Октябрьской революции.

И здесь среди гостей из зарубежных стран Ерошенко встретил своего друга Акита Удзяку. Это была большая радость для них обоих. И они почти целый год не расставались. Акита захотел подробнее ознакомиться со страной, чтобы потом описать свои впечатления. И вместе они побывали в Ленинграде, Нижнем Новгороде, Минске и Казани. В Ленинграде они посетили квартиру-салон известного мецената искусств, коллекционера предметов, связанных с театром и живописью, Левкия Ивановича Жевержеева.

В его знаменитом альбоме Акита Удзяку сделал запись: "Симпатичное лицо Жевержеева, которое я нашел под красивым солнцем в Ленинграде. Дух творчества разных народов танцует в комнате Музея академических театров. Там много слов танцует. О, дорогой товарищ, здесь нет ни жизни, ни смерти. Здесь нет разницы стран. Здесь один поток красоты и поток жизни" ("Альманах библиофила", выпуск 4-й, 1977, с. 215).

Да, эта квартира стала музеем, где по "пятницам" сверкали остроумные разговоры и шутки собиравшихся писателей и актеров, художников и режиссеров, не только завсегдаев, но и гостей из зарубежных стран.

Есть сведения, что Ерошенко вместе с Акита участвовали в республиканском съезде ВОС в 1928 году в Москве. А летом Акита Удзяку распрощался, вернувшись в Японию. Сам же Василий Яковлевич всё больше и активнее работает в Центральном правлении ВОС в Москве по связям с зарубежными организациями слепых, а также с отдельными письмами зарубежных корреспондентов. Работа же была на так называемых теперь "общественных началах", хотя на этот счет у Ерошенко и было официальное удостоверение.

Весной 1929 года Василий Ерошенко гостит у родных в Обуховке и узнает, что брат Александр находится на "краю света", на Чукотке. его послали туда учитывать или учесть домашних оленей. И давно уже нет от него вестей...

У Василия Яковлевича возникает идея: как бы ему туда проникнуть!

Вернувшись в Москву летом 1929 года, Василий Ерошенко обратился в Комитет Севера и узнает, что на Чукотке в прошлом году открыта культбаза, а сейчас туда организуется экспедиция специально с культурными целями. И Ерошенко поспешил стать ее членом как корреспондент от журнала "Жизнь слепых". Тем более, что у него была надежда увидеться с братом и познакомиться с бытом чукчей, малоизвестного в то время народа, и еще, как сам выразился:

"Одной из задач, которую я ставил перед собой, отправляясь на Чукотку, было знакомство с бытом слепых в этих далеких арктических краях".

Транссибирская магистраль доставила членов экспедиции из Москвы во Владивосток. Там она погрузилась на пароход "Астрахань", делавший рейс на Чукотку до поселка Уэлен. Рейсы тогда происходили один раз в году, чтобы завести продовольствие и нужные товары в прибрежные поселки.

Уже на пароходе Ерошенко прославился, став чемпионом корабля по шахматам...

Первая остановка и частичная разгрузка была в поселке Анадырь, при впадении одноименной реки в залив с тем же названием. Это было, по словам Ерошенко, 25 июля 1929 года. Здесь у него произошло первое знакомство с Чукоткой и со слепым чукчей.

— Один из моих новых друзей-попутчиков, — потом скажет Ерошенко, — будучи сам анадырец, непременно захотел познакомить меня со своим поселком и, главным образом, с грандиозной рекой Анадырь, о существовании которой, к нашему стыду, мы в России и не подозревали. Мы сошли на берег. При звуке величественного рокота морского прибоя и его шумной встречи с северным гигантом Анадырью, при звуке, всплеске миллиардов, рыб радостно работало всё окрестное население со всеми детьми и стариками, со всеми собаками и щенками, проделывая тысячи операций с несчастной, но счастье приносящей кетой.

Был однако уже второй ход...".

Из Анадыря пароход "Астрахань" пересек Анадырский залив и подошел к южной оконечности Чукотского полуострова. Вероятно, еще была остановка у поселка Провидения и затем Лаврентия. Здесь и расположилась культбаза, куда и разгрузилась культурническая экспедиция вместе с Василием Яковлевичем.

Что представлял из себя поселок Лаврентия в то время? Всего год прошел, как здесь построили факторию, открыли школу-интернат и организовали культбазу во главе с одним из учителей школы Тихоном Захаровичем Сёмушкиным (1900-1970), будущим писателем. В своей повести "Чукотка" он так описывает это место:

"Большой залив Лаврентия глубоко врзается в материк. На левом берегу, в десяти километрах от входа в бухту, подле склона горы, вытянулись, словно по линейке, одиннадцать домов европейского типа. Это и есть Чукотская культбаза".

И еще чуть далее: "...в этом поселке была баня, прачечная, общественная столовая, пекарня, строилась радиостанция. Основные учреждения культбазы — больница-амбулатория, школа-интернат, ветеринарно-зоотехнический пункт, пушная фактория. Квартиры сотрудников состоят из трех меблированных комнат, небольшой кухни и ванной. Внутри стены обиты американским толстым картоном, загрунтованы, покрашены масляной краской. Пол блестит. В столовой пять длинных столов, покрытых белыми скатертями..."

Вот в такую обстановку, весьма не ожидая этого, попал Василий Ерошенко.

Первый день пребывания так в последствии описывает он сам:

"Прибыв на базу, я тотчас попросил одного из помощников своего брата подробно ознакомить меня с планом базы, показать каждую тропинку к морю и тундре, к пригорку и озерам. И вечером я уже один со своей палкой прошелся по всей базе. Это было сверх всяких ожиданий чукчей! В полном замешательстве они лишь повторяли: "Какомей, какомей!" (Диво, чудо). И Какоей стало моим именем в Тундре."

Василий Ерошенко провел в поселке Лаврентия на культбазе почти год. С братом Александром он встречался, но очень мало и редко: тот был довольно-таки занят в тундре в связи с оленеводством. Василий Яковлевич же старается дружески и близко общаться с чукчами. О здешних слепых он ничего не мог узнать, они почти отсутствовали по простой причине — издавна существовали варварские законы: слепых с детства, как и немощных стариков, душили, отправляя их в "лучший мир". Ерошенко это яростно осуждает, как и "сати" в Индии или "маленькие ножки" в Китае.

Василий Ерошенко и на Чукотке собирает фольклор, записывает легенды для своих будущих рассказов. Например, в рассказе "Предназначенный жить" он вклинивает народное сказание о важности деторождения: "...на границе двух Тундр, нашей Тундры Живых и другой Тундры Мертвых, лежит страшное и холодное, как лед, озеро Вечности. И нет у него ни дна, ни границ. У этого озера стоит на страже безжалостная неумолимая старуха, более древняя, чем сама Тундра.

Охраняя вечность, она задает каждой умершей женщине из Тундры один и тот же суровый вопрос: "Есть ли у тебя, о женщина, хотя бы один ребенок в Тундре?"

И когда отвечают утвердительно, она пропускает чукчанку в Тундру Умерших, к тем родственникам, друзьям и знакомым, которые попали туда раньше.

Но если ответ отрицательный, безжалостная стражница сразу бросает несчастную в бездонное и ледяное озеро Вечности, где жизнь кончается навсегда".

В этом же рассказе Василий Ерошенко доказывает, что и здесь, на холодном и жестоком для жизни Севере, слепой человек может жить полнокровной жизнью, как описываемый герой Кейгин. Матери научили его разбирать ярангу, складывать ее на нарты и опять ставить на новом месте. Они обучили мальчика, как руками обрабатывать олени шкуры, чтобы те становились мягкими и нежными, как из шкур вырезать ремни, готовить нитки из звериных жил и скручивать из них веревки. И, наконец, отец научил его делать нарты. "По этому делу Кейгин стал искуснейшим специалистом на всю тундру..."

Одним из основных развлечений Василия Ерошенко были шахматы. Позже он напишет со всей откровенностью в заметке "Победители на первом шахматном турнире слепых в Ленинграде":

— Шахматной игре я научился давно и играл еще в школе на Мещанской. Но особенно много играл в шахматы в 1929 году, когда очутился на Чукотке вместе с экспедицией. Шахматы хороши тем, что учат хладнокровию и выдержке. Промах, зевок — и сейчас же наступает возмездие, наказание в виде лишения фигуры или проигрыша партии. В этом огромное воспитательное значение шахматной игры...

В дальнейшем, лет почти через двадцать, эти игры станут основной сюжетной линией в третьем очерке из жизни чукчей под знаменательным заглавием "Трехходовая шахматная задача". А пока, помимо шахмат, видимо, были серьезные беседы о литературе и общественной жизни с руководителем культ-базы Тихоном Сёмушкиным. И они оба после совместной жизни в Заполярье начали с энтузиазмом заниматься творчеством. Но Ерошенко, как в "Трехходовой шахматной задаче" пытается доказать о бесклассовой борьбе в жизни чукчей, а Сёмушкин, наоборот, в своем романе "Алитет уходит в горы", за который получил Государственную премию.

Лично автору этих строк, к сожалению и глубокой скорби, не удалось встретиться с Сёмушкиным. На его московской квартире вдова сообщила, что только что 6-го мая 1970 года умер. Она подробностей жизни на Чукотке не знает, сейчас готовит двухтомник посмертного собрания сочинений...

С первой же навигацией весной 1930 года Ерошенко возвращается через Владивосток в Москву. Подробности этого пути отсутствуют. Его брат Александр остался на Чукотке еще на один год. И, конечно, летом 1930 года Василий Ерошенко наведывается к родным в Обуховку, где в связи с коллективизацией была обстановка весьма сложная... Вскоре он вернулся в Москву.

Естественно, что Ерошенко старался войти в писательскую среду, что явилось бы стимулом к дальнейшему творчеству, что отвечало его духовным интересам.

Автору повествования этот период жизни Василия Ерошенко приоткрылся благодаря случайной встрече с самим Василием Ерошенко, вернее с чудесным его портретом.

Как это произошло?

Когда в 1970 году я разыскивал следы Ерошенко в Москве, то случайно узнал, что в Академии художеств как раз проходит юбилейная выставка картин известного художника Евгения Александровича Кацмана в честь его 80-летия со дня рождения.

Из статьи 1964 года В.Г. Першина я знал о существовании портрета Ерошенко, выполненного Кацманом после возвращения Василия Яковлевича из Чукотки.

Экспозицию обхожу с большим интересом и беспокойством. В одном из последних залов, наконец-то, встречаюсь с тем, кого искал. Ерошенко! как живой...

Сразу узнал. Здоровый и цветущий, розовощекий, в новом, вельветовом пиджаке темно-зеленого цвета. Только вот приветствует он меня совсем невесело, без улыбки, наоборот, нахмуренный, в какой-то болезненной задумчивости, как бы стараясь что-то припомнить. Нахмуренные брови, как и губы, выражают недовольство. У переносицы на лбу две глубокие складки. Глаза, конечно, плотно закрыты. Волосы светлые, волнистые, но подстрижены "под польку", русские, не такие как в Японии, Китае, когда были удлиненные.

Портрет выполнен цветной пастелью, небольшой, размером 48x39. Хранится он в запасниках Литературного музея в Москве под номером А-3935. Попал он туда еще в 1937 году. На портрете возле подписи художника можно разобрать дату: 17 мая 1930 года. Сам художник Е.А. Кацман выглядел бодрым. У нас с ним состоялась довольно душевная беседа. Но всех обстоятельств написания портрета он не помнит. И всё же дал ценное свидетельство, что портрет написан был в салоне так называемых "Никитинских субботников" и дал мне адрес "живой истории" — Евдоксии Федоровны Никитиной. Конечно, я поспешил к ней.

Е. Ф. Никитина (1895-1973), известный литературовед, еще до революции проводила литературные заседания, оформленные в 1921 году в "Никитинские субботники".

С 1922 до 1931 года у нее существовало кооперативное издательство писателей. Книги издавались с грифом "Никитинские субботники". Собирались у нее не только писатели, но и артисты, композиторы, художники. Существует даже картина К.Ф. Юона 1930 года "Никитинские субботники".

Е.Ф. Никитина свой архив передала государству. Он занимал шестнадцать комнат первого этажа. Но она сказала, что очень тесно и собирается занять еще весь второй этаж. Ведь хранится около 160 тысяч архивных единиц, 16 тысяч портретов писателей и многое другое.

Меня встретила сама Никитина со всей любезностью, хотя был у нее неприемный день. Мне она показалась весьма грузной и пожилой (75 лет!). Голова перевязана черной лентой, одета как-то по-домашнему в длинный, черный, шелковый халат.

Меня поразили многочисленные шкафы, скульптуры и портреты.

В короткой, минут двадцать, беседе она мне сообщила, что помнит слепого писателя Ерошенко. Его привел некий писатель В. Рязанцев. По традиции за вновь прибывшего надо было иметь три поручительства-рекомендации. И одну из них давала она сама.

И еще с каждого требовалась автобиография и литературное произведение. Это же хранится и от Василия Ерошенко. Она помнит, что он давал две неопубликованные сказки. Но показать их не может: этот архив еще не разобран. Идет оформление и доведено только до буквы "Г", хотя у нее десять сотрудников, из которых четыре научных.

Евдоксия Федоровна предложила мне:

— Приезжайте к концу года. Справитесь в октябре...

Увы, пока я собирался, прошло три года. Хозяйки музея не стало. И судьба самого музея под вопросом: пока закрыт, не до него?..

Итак, Василий Яковлевич Ерошенко уже в тридцатых годах окунулся в писательскую среду, но, по-видимому, личной дружбы с кем-либо из известных писателей не заимел. Существует сведение, что Ерошенко в конце лета ненадолго съездил в Обуховку к родным. Ему надо было задуматься о хлебе насущном. Эта задача и всегдашнее желание помогать своему брату слепому привела его в Нижний Новгород.

Там он два года работает в Нижегородской профтехнической школе слепых как преподаватель русского языка и математики. Подробности о тогдашней жизни Ерошенко

отсутствуют. Но по всей видимости, литературную деятельность он продолжает уже в той общей советской направленности, всячески принаравливаясь к ней. Так, в журнале "В ногу со зрячими" #1 за 1931 год опубликована его статья "За что борются слепые за рубежом".

Первым долгом Ерошенко отмечает, что в связи с ухудшением положения слепых за рубежом они стремятся к объединению, создают различные союзы.

Они предназначены для разрешения таких задач или "вопросов", как "борьба с буржуазной благотворительностью, борьба с рутинной слепецких школ и борьба за государственную пенсию". Первая задача, чтобы во главе благотворительных средств стояли сами слепые и не было существующего "произвола" и "разбазаривания денег". Вторым вопросом ставится реорганизация школ для слепых. И третья актуальная задача борьбы слепых — государственная пенсия.

Ерошенко по этому поводу здесь пишет: "В том, что слепой является слепым, виноват не он сам, а то общество, тот общественный строй, при котором слепота, как болезнь, не только возможна, но зачастую и неизбежна. А потому вся ответственность за слепоту должна падать на общество".

Эти слова в конечном счете относятся к причинам слепоты и самого Ерошенко.

Но, увы, он подчеркивает, что только в скандинавских странах государственная пенсия, как "возмещение за слепоту", выплачивается. И еще неспроста Ерошенко замечает: "за границей государственную пенсию получают только военные", то есть военно-ослепшие. А как у нас тогда в Советском Союзе, когда жил сам Василий Яковлевич? Стыдно сказать, что было то же самое!..

Он же и сам за слепоту не получал до конца жизни, и много сил положил, чтобы получить хоть крошечную за свой трудовой стаж. Таким образом, хоть как-то косвенно Ерошенко в этой статье всё же коснулся актуального вопроса о государственной пенсии для всех. Ведь слепые, читавшие тогда эту статью, всё понимали и, вероятно, шепотом рассуждая между собой, ухмылялись...

В это же время Ерошенко в своей активной публицистической деятельности вскоре пишет и также статью "Слепые Запада и Востока". В ней он говорит, как плохо с работой на Западе и как будет хорошо в советской России. В сравнении с Западом на Востоке совсем другое отношение к слепым. Например, в Японии труд слепых используется в медицине (массаж, иглоукалывание) и музыке. К слепым там уважительное отношение. Но и там для слепых закрыт путь к высшему образованию, что доступно только в Индии и Китае. А в Бирме слепые живут припеваючи на пожертвования благодаря догмам буддизма. Одним словом, за рубежом слепые борются за равноправие в области образования и разнообразие профессий.

И Ерошенко, кроме общей идеи, в этой большой статье дает обзор положения слепых из своего собственного опыта.

Разговор о положении слепых за рубежом продолжается в статье "Под дубиной миллиардеров" (журнал "В ногу со зрячими", #3, 1932). Ерошенко в ней рассказывает, как буржуазия в лице известных богатеев старается привить угнетенным инвалидам, включая и слепых, свою этику, дабы морально разложить их.

Суть всех публицистических работ Ерошенко заключается в том, что необходима борьба за лучшую жизнь обездоленных, создание определенного общественного мнения, от которого зависит судьба незрячих, и, наконец, — формирование у них действительно нужного и правильного мировоззрения. Ерошенко вселяет в собратьев веру в свои силы и доказывает возможность полноценной и интересной жизни на высоком уровне.

В 1932 году Василий Ерошенко расстается с Нижним Новгородом и возвращается в Москву. Здесь как раз организуется государственная типография для издания книг и журналов по Брайлю. Ему удается устроиться в ней корректором с 10-го сентября 1932 года, как гласит об этом существующая официальная справка.

О работе в типографии и своей деятельности дает некоторое представление "обращение" к зарубежным единомышленникам от 16 марта 1933 года, опубликованное в апрельском номере того же года в журнале "Эсперанта Лигило".

Вот что сообщает Василий Ерошенко:

"Недавно ВОС поручил мне привести в порядок письма, полученные (Президиумом ЦП ВОС) из-за границы. Наиболее важные я перевел и вручил администрации ВОС, и теперь за их дальнейшую судьбу не отвечаю.

На некоторые же письма, по согласованию с ВОС, я ответил по почте. Другие же письма, в которых меня спрашивали и просили сообщить об альманахе, я привел в порядок с указанием точных адресов и их также передал администрации ВОС. В некоторых письмах знакомые и незнакомые спрашивают у ВОС мой адрес. Мой адрес следующий: Арбат 7, типография ОГИЗ #19, Москва - СССР.

Я работаю корректором в этой типографии. Она является государственным предприятием. Одновременно я являюсь неофициальным переводчиком в ВОС".

И вообще, Ерошенко в это время попутно много занимается переводческой деятельностью. Например, в переводе с русского языка на эсперанто у Ерошенко выходят отрывок из повести В. Рязанцева "Слепые" и рассказ Ф. Шоева "Сын".

В конце "Обращения" Ерошенко замечает: "До мая я буду находиться в Москве..."

Таким образом, Василий Ерошенко явно надеется на получение отпуска, который может и затянуться... Он узнает, что родители покинули Обуховку и переехали на жительство в город Орджоникидзе (Владикавказ) к сыну Александру, который служил там, вернувшись с Чукотки.

В конце тридцатых годов обстановка в селах страны была сложная, шла пресловутая коллективизация одновременно с раскулачиванием. По-видимому, это обстоятельство стало причиной бегства родителей Василия Яковлевича из Обуховки. В доме же осталась дочь их Пелагея Яковлевна Шаповалова с семьей.

И Василий Яковлевич Направляется на Кавказ. По пути он останавливается на пару дней в Ростове-на-Дону.

При памятной встрече в городе Прохладном с Михаилом Павловичем Кисловым тот вспоминал, что подружился с Василием Ерошенко особенно при посещении его в Ростове в начале тридцатых годов. Так, о встрече летом 1933 года Кислов сказал:

— Мы много беседовали о жизни. Помню, Ерошенко показывал мне брайлевскую доску из кожи с передвижной планкой. Это так называемая "дрезденская доска".

И хорошо запомнилась наша дискуссия с ним об интуиции. Суть ее заключалась в следующем. Я утверждал, что интуиция — это что-то вроде инстинкта, подсказывающего, что надо делать без всякого рассудка, это моментальная мысль без обдумывания. Как бы сердце само подсказывает...

А Василий Ерошенко утверждал, что в интуиции больше действия разума, хотя и в сочетании с таинственным ощущением. Это чувство есть что-то еще не вполне осознанное. Например, открытие законов в математике (аксиомы в геометрии), закон Ньютона — не "вдруг" догадка, а она имела под собой уже какую-то базу. И вообще, в переводе с латинского слово "интуиция" означает созерцание, вроде, как Будда додумался до истины, которая не свалилась с неба, а пришла от пристального всматривания.

Я же приводил примеры, что могу не видя, как-то ощущать впереди или сбоку яму, обрыв. Очень важна такая интуиция в горах. Ерошенко возражал, что такое чувство всё же от ощущения воздуха, пространства, то есть тот же анализ опыта, подсказка трости, и простой животный инстинкт не поможет.

Еще он говорил о художественной или научной интуиции в творчестве, как элемент мышления.

Просто образы, сюжет, истина на крыльях не прилетит. Хотя иногда кажется, что они явились сами по себе, от вдохновения...

Ерошенко почти убедил меня, но мне, помнится, так хотелось остаться при своем мнении. Сердце сердцем, а мозгами надо всё же шевелить...

Василий Ерошенко продолжал путь на юг. Только от Ростова до Орджоникидзе поезд с длительными остановками добирается около суток. К этому времени в Орджоникидзе собрались почти все самые близкие из родственников, и Василий Яковлевич рад был встретиться с родителями, семьей сестры Марии, брата Александра и младшей сестрой Ниной. Вообще, надо отметить, что Василий Ерошенко всю жизнь с большим удовольствием и любовью относился к своим родным и хоть раз в году, обычно летом, встречался с ними.

На этот раз Василий Яковлевич совершал не только большие вылазки к Тереку, но и участвовал в походе по части Военно-Грузинской дороги. Следует сделать существенные уточнения в отношении этой прогулки. Из слов Марии Яковлевны Безуглой при встрече в Харькове в 1970 году выяснилось, что экскурсию организовал их брат Александр. Он, как ветеринар, по делам службы закупал лошадей у ингушей, живших в аулах по Джераховской долине и имел среди них друзей-кунаков. Местность эта, по которой протекает река Армхи, правый приток Терека, еще носит название Солнечной долины, так как погода там сравнима только с Кисловодской.

По Военно-Грузинской дороге экскурсанты пошли не по шоссе левобережья Терека, а по старой Ждераховской военной тропе, проходившей по правому берегу Терека. Это была простая проселочная дорога и более живописная. По пути они прошли два аула: Чернореченский и Длинная Долина (теперь — Терек). Тропа проходит вплотную к крутым западным склонам Столовой горы (Мат Хох, 2933 м), которая так чудесно смотрится из Владикавказа.

Мария Яковлевна и ее муж Дмитрий Иванович взяли с собой восьмилетнюю Наташу (Талу), которую Василий Яковлевич нес на руках. По дороге они рвали лесную землянику. Причем, больше всех находил ее Василий Яковлевич, ощупывая и приподнимая ее хитрые листочки. Он горстями угощал свою любимую "Птичку-лиру", как называл девочку. А на больших привалах он уходил в горы или к берегам бушующего Терека, наслаждаясь его рокотом.

Собственно, по Военно-Грузинской дороге они прошли всего девять километров до Солнечной долины, а по ней еще одиннадцать до аула Ляжги, который находится сразу за санаторием "Армхи". Переночевав, обратный путь пришлось сделать, наняв подводу, по шоссе от теперешнего поселка Чми, в то время еще не существовавшего. Проехали они через селения Балта и Редант на левом берегу Терека.

Прямое отражение Кавказа в творчестве Ерошенко отсутствует. Но косвенно в связи с поэзией М.Ю. Лермонтова, с его "Казачьей колыбельной песней", такое соприкосновение налицо. Василий Яковлевич написал свою "Колыбельную песню" в точно той же ритмике, что и у Лермонтова, и даже с похожим сюжетом о тяжком будущем сыновей. Только у Лермонтова — о доле казака, о его опасной удали, а у Ерошенко о печальной участи китайского кули. "Колыбельная" написана Василием Ерошенко на эсперанто, когда он еще жил в Шанхае. Там же она была опубликована в 1923 году.

И теперь, через десять лет разнообразной жизни, уже в 1933 году, Ерошенко продолжает свой творческий путь. То ли под впечатлением красот Кавказа, то ли от воспоминаний и разговора с Александром о Чукотке, Василий Яковлевич пишет прекрасные стихи в свободной форме "Чукотская элегия" и "Чукотская идиллия". Были они опубликованы в "Эсперанта Лигило" соответственно в номерах третьем и четвертом за 1933 год с примечаниями Уильяма Меррика...

"Элегия" во многом просто замечательна. В этом стихотворении так ясен оттенок грусти и раздумья о бренности жизни, мысли о смерти: "И превратимся мы в пыль, все: я, моя собака, байдара..." Отсюда же думы автора о людской алчности в отношении природы. Как всегда, у Ерошенко присутствует рефрен: здесь — обращение к ворону. "Чукотская идиллия" — это уже небольшая поэма в прозе.

Подзаголовок "Рассказ чукчи". Здесь присутствует настоящая сказочная картинка и действие. Суть ее идеи в риторических вопросах лирического героя:

"Зачем большой должен делать зла? Зачем сильный должен совершать жестокость? Зачем большой должен жадничать?"

Да, пора, давно пора, задуматься владыкам мира, власть имущим, и о бедствующим "маленьких людях"!

Ерошенко же продолжает размышлять и переваривать в своем сердце непростую жизнь чукчей. То, что Василий Ерошенко в это время занимается литературной деятельностью, подтверждает факт — он пишет настоящую повесть, хотя и называет ее "третьим чукотским очерком!" В 1934 году была им написана "Трехходовая шахматная задача".

В предисловии к ней Ерошенко пишет:

"Очерк был написан еще в июне 1934 года, но рукопись была утеряна во время моей поездки из Туркменистана в том же году..." Здесь в датировке есть небольшая неточность. Не подвела ли его память? Ведь писалось это предисловие уже через тринадцать лет, в 1947 году!.. Ничего удивительного!

По-видимому, расхождение получилось года на два, когда он мог выехать в первый свой летний отпуск как учитель в Обуховку.

Утеря же рукописи произошла оттого, что в поезде у него был украден чемодан с вещами, что с ним, слепым, случилось не раз... Василию Ерошенко пришлось повесть восстанавливать по памяти. Но это уже будет в 1938 году, так что о ее содержании подробнее мы поговорим позже.

Пока же в "Эсперанта Лигило" в 8-9 номерах за 1933 год публикуются очерки "Филипп Онкудимов" и "Предназначенный жить".

11. В Туркмении.

Лето кончилось. Ерошенко возвращается в Москву и еще год продолжает работать корректором. Он, как вегетарианец, затрудняется с продуктами. В это время брат Александр уже служит в Ашхабаде и, видимо, постарался устроить вызов из Наркомпроса Туркмении на приезд брата Василия в Ашхабад.

Это мой домысел, но и другие ничем не подтверждены. Так или иначе, Василий Яковлевич на долгие годы связал свою судьбу с Туркменией, с местом знойного солнца и изобилия тепла, фруктов и овощей.

С осени 1934 года Василий Ерошенко находится в Ашхабаде. Живет у брата и с ноября месяца работает в Наркомпросе как специалист по делам слепых.

Одновременно он продолжает свою литературную деятельность, собирает материал о положении слепых в Средней Азии и на других окраинах страны, таких как Армения. Кроме того, он учится говорить по-туркменски.

В 1934 году были опубликованы статьи Василия Ерошенко: "У слепых Узбекистана" и "Советская Армения". О слепых Узбекистана Ерошенко констатирует, как там было, как сейчас и в чем состоят текущие проблемы.

На протяжении веков до советской власти "...самое большое, чего может добиться слепой — это выучить наизусть выдержки из священного Корана и потом произносить их перед людьми. Поступая так, как бы спасал свою душу и души своих неграмотных слушателей, которые щедро подавали этим слепым милостыню".

Но теперь идет разъяснение против многоженства и чадры у женщин, о том, что "слепые узбеки могут и должны трудиться, как и все..." И только в 1928 году слепые организуют свое общество (УЗОС), сперва с центром в Самарканде, перенесенном потом в Ташкент, столицу Узбекистана. И все-таки из двенадцати тысяч слепых, по переписи 1926 года, в общество вступило только одна тысяча, а трудятся в двух мастерских в Самарканде только тридцать человек и в Ташкенте — пятьдесят. Лишь на съезде УЗОС в 1932 году

наметили "трудоустроить четыре тысячи слепых в артелях, мастерских коопсоюза и на фабриках общей промышленности". Ближайшая же задача — ликвидация неграмотности. Но нет для этого кадров...

Статья "Советская Армения" имеет знаменательный подзаголовок "Американская христианская миссия". Эта миссия в течение четырех с половиной лет (1922-1926) успешно действовала у нас. Но в ней учили молиться Христу... И власти добились прекращения деятельности иностранной миссии. Школу же, по-существу, закрыли, а детей отправили в "общий дом инвалидов"... И дети постарались его покинуть. Ерошенко прямо не указывает сожаление по этому поводу, но оно чувствуется по всему изложению этой истории. Не зря он подчеркнул, что тогда был создан "...брайлевский алфавит для армянского языка. Ученики этой школы учились читать и писать на своем родном языке". И еще: "В школе начали преподавать русский и английский языки. А в 1924 году школа уже имела замечательный оркестр, хорошо оснащенные классы и щеточную мастерскую".

Остальная часть статьи — история об организации слепых в Армении.

Подчеркивается, что в 1926 году там было пятнадцать тысяч слепых, из которых сейчас только триста членов общества, школа для слепых открыта только в 1933 году в Ереване, а работают лишь единицы. Между бодрых строк чувствуются невеселые мысли Ерошенко о положении слепых в стране и особенно в национальных республиках. О том же Туркменистане он вообще умалчивает. Туркменский же комиссариат просвещения, вероятно, не без намека со стороны Ерошенко, вынужден был ему же и поручить организацию первой школы-интерната для слепых детей. И, как гласит официальная справка, "В мае 1935 года товарищ Ерошенко был направлен в город Кушку для организации там первого детдома для слепых в Туркмении". Но самих детей еще нет.

А что такое Кушка? Сам Ерошенко позже (в 1940 г.) в одном из писем напишет:

"Это местечко замечательно тем, что является самой южной точкой СССР". Но это и песчаные степи, жара летом за сорок градусов, а зимой бывают и тридцатиградусные морозы. Здесь в междуречье Теджена и Мургаба раскинулась страна Баргыз — край фисташковых рощ и куланов. В 30-40-ые годы Кушка представляла из себя небольшое селение около "крепости", простой пограничной заставы.

Поселок образовался из переселенцев с Украины в начале века, когда была вблизи установлена граница государства Российского и на холме установлен памятный крест, означающий южную оконечность страны.

Название "Кушка" произошло от фамилии первого поселенца-украинца Кушко.

Теперь, с 1967 года, этот поселок назван городом и недавно даже переименован!..

Вот как описывал Кушку известный журналист-путешественник В. Песков:

"...Несколько улиц, зажатых между горой и рекой с названием Кушка. Река небольшая, но, видно, с характером - желтого цвета вода змеится в песчаных отмелях и потоках, зеленые берега далеки друг от друга. Бывает время: Кушка вспухнет, катит по руслу камни и всё, что встает на пути у потока. Известны годы, когда вода приносила из-за границы мертвых овец, пастушьи юрты и самих пастухов".

Железная дорога до Кушки проведена еще в 1895 году. К северу от Кушки километров около пятидесяти — райцентр Тахта-Базар, а в трехстах километрах — большой древний город Мары (б. Мерв) и Байрам-Али. По побережью реки Мургаб — настоящий оазис среди пустыни.

Вот такая природная обстановка стала местом обитания Василия Ерошенко на целое десятилетие. И много хлопот на его долю выпало по созданию школы.

Здание дали в четырех километрах от Кушки, на окраине поселка Моргуновка, у самой пяты холма с памятником-крестом. Селение было фисташковым совхозом.

Учеников ему пришлось собирать самому, с большим трудом уговаривая и убеждая родителей отдать детей на воспитание ему в организуемый приют.

Как сообщил при встрече бывший ученик Кушкинской школы Вацлав Бродо, официально этот приют назывался "Республиканский детский дом слепых".

Открытие школы произошло только 23 декабря 1935 года. Первая партия учеников состояла всего из восьми человек. И, вообще, в школе было не более двадцати двух учеников. Длинное одноэтажное здание состояло из пяти комнаток и кухни.

В двух комнатах спали раздельно девочки и мальчики, а в трех — классы.

Сам Ерошенко спал вместе с мальчиками. Кушал он в столовой вместе с учениками, но оплачивал за еду из своей зарплаты. Личной собственности у Василия Яковлевича не было никакой, если не считать матраца и книг. Постель, даже полотенце — всё школьное, как у всех.

— Вечерами около железной печурки, — продолжал вспоминать Бродо, — велись интересные беседы. Василий Яковлевич рассказывал об особенностях жизни в разных восточных странах, где и что кушают. Он сам пробовал разную пищу: жареных лягушек в Сиаме, ящеров в Бирме... Читал нам книги. Он хорошо играл на разных инструментах, находившихся в школе, но особенно на скрипке и гитаре..

Занимались мы в школе самодеятельностью. Для населения Маргуновки, где жили переселенцы с Украины, мы выступали с украинскими песнями и стихами, чему учил нас Василий Яковлевич. А один раз ставили детскую оперу Лысенко "Коза-дереза".

В школе было подсобное хозяйство, где работали ученики, особенно те, кто хоть немного видел, как я. Были у нас там коровы, овцы, а для транспорта ишаки и лошади..

Еще запомнились разные происшествия.

Так, был случай, когда корова ушла в Афганистан, и не смогли ее возвратить, хотя и долго хлопотали в Кушке. А однажды в 1941 году во время весеннего паводка в реке Кушке ученики спасли тонущего ишака. И он остался у нас в школе: хозяев не нашлось... Василий Яковлевич был очень хорошим, справедливым. Все ученики его любили. Ходил с нами на экскурсии в горы, без дорог приучал ориентироваться самим "без нянек", как он говорил...

Из беседы с Бродо выяснялись многие факты из жизни школы в Моргуновке.

Так лишний раз подтвердилась любовь Василия Яковлевича купаться в реке даже зимой, когда температура доходила обычно до 5-6 градусов. Летом в Кушке купался с учениками в заводях. Ведь река сама горная, мелкая. А около города Мары Мургаб глубокая, но течение спокойное.

Ерошенко с 1937 года ввел начальное обучение на туркменском языке по Брайлю. Об этом идет речь и в заметке Д. Алова "Слепые Туркмении будут обучаться на родном языке". Среди прочего есть и такие строки: "По заданию Наркомпроса, заведующий детдома тов. Ерошенко в августе 1936 года представил Наркомпросу проект алфавита для слепых, в основу которого он положил брайлевский алфавит..."

И далее подчеркивается: "Центральное правление Общества слепых одобрило проект туркменского алфавита, разработанного тов. Ерошенко, так как он является наилучшим из всех проектов, составившихся до сих пор". ("Жизнь слепых", 1937, #5, с. 54).

Ерошенко русские учебники начальной школы переводит на туркменский язык и заказывает их в Москве. Вообще нельзя представлять, что Ерошенко в это время не покидал Туркмению. На летних каникулах он бывал обязательно в Обуховке, Москве и других местах. Из Обуховки переселил слепую Расщупкину учить девочек вязанию.

В Москве он уговорил приехать в качестве учителей музыки семью Шаминых и "бесквартирных", плохо живших, Ивановых. Вот что Зинаида Ивановна Шамина поведала о Кушкинском детдоме Василия Ерошенко:

— Летом 1937 года Ерошенко заехал в Москву из отпуска в Обуховке и стал уговаривать меня и мужа поехать в Кушку преподавать музыку: мол, дети лишены возможности по-настоящему заниматься музыкой.

Мы согласились, доехали до Байрам-Али, где нам не дали пропуск до Кушки. Мне пришлось вернуться в Москву для оформления пропуска. В Моргуновке я лично

проработала только один учебный год, а муж — до мая 1939 года. Школа была маленькая. При мне было всего тринадцать учеников. Утром — занятия, вечером — игры, разучивали сценки, мы читали детям книги. Я сама читала "Кондуита" Льва Кассиля и "Как закалялась сталь" Николая Островского.

А уж попозже, после отбоя, мы обычно собирались "почаевничать": обсуждали события дня, его итоги, а чаще всего спорили. Василий Яковлевич часто был резким, но мы никогда друг на друга не сердились... Он был за воспитание, как он говорил, "семейное". Дети всех называли по имени: "тетя Зина", дядя такой-то. Правда, его самого называли по имени и отчеству, и это для них было трудно и многие выговаривали быстро и укорочено: "Слакович" или раздельно "ВасьяКлыч".

Запомнился наш спор о школьном звонке.

Ерошенко его не признавал: мол, это "казенщина", доказывал, что "уборщица и так загружена, а еще ей надо будет звонить!.." Но я была против, доказывала, что нужен определенный порядок, а звонок будет поднимать дисциплину, настраивать на урок....

И, побывав на каникулах в Москве, вопреки ему, я привезла звонок. Дети звонили с превеликим удовольствием, звонок привился...

К себе Ерошенко относился по-спартански. Любимой собакой в Моргуновке у него была Пальма. Школу финансировал СОБЕС в Тахта-Базаре, куда мы ездили больше всего по хозяйственным и другим делам. А в Кушку — в магазин и парикмахерскую.

Воспитателей и сотрудников он сам выдвигал из "низов", говоря при этом: "Лучше честный человек, чем образованный халтурщик". Но сам как хозяйственник был не очень практичен, и его многие "облапошивали"...

Известно, что у Ерошенко были большие неприятности с бухгалтером, бывшим сторожем, пьяницей. И для наведения порядка в деньгах он уговорил приехать свою сестру Нину. И та с удовольствием приехала к нему работать бухгалтером еще и затем, чтобы вылечить сына Юру от туберкулеза. Она пробыла там с 14 ноября 1938 года до сентября 1940, т.е. почти два года. Уехала только потому, что сыну надо было учиться в старших классах, которых тогда там не было...

А перед этим в 1938 году еще в жизни Василия Яковлевича было событие, которое следует упомянуть. Это участие в первом Всероссийском шахматном турнире слепых в Ленинграде. Проходил он с десятого по двадцать седьмое июля. Василий Яковлевич занял в нем третье место и получил премию в 250 рублей. В журнале "Жизнь слепых" #15 1938 год была опубликована его заметка "Первый шахматный турнир слепых в СССР". В ней он подробно рассказывает о каждом из пятнадцати участников: кто сколько набрал очков. Кроме того, описана сама обстановка турнира: "Игра велась по всем правилам шахматных турниров: с шахматными часами на столе, с профессиональным шахматным судьей, к которому обращались по всем спорным вопросам и решение которого считалось окончательным. Турниром руководил председатель ЛОО ВОС тов. Э. Галвин, который сумел создать для играющих идеальную обстановку. Играли с 10 до 13 часов. Каждый играл одну партию в день, вечера были свободными.

Через пять дней был выходной день, когда участники турнира отдыхали и совершали экскурсии в окрестностях Ленинграда. К услугам играющих имелась библиотека, музыкальный зал, телефон, радио, физкультурная площадка и, самое дорогое для нас в эти жаркие дни, холодный душ".

Вообще, 1938 год для Ерошенко был продуктивным. Кроме шахматной баталии, он восстанавливает по памяти свое наиболее крупное произведение "Трехходовая шахматная задача", рукопись которой была утеряна. Вот что он пишет в предисловии: "Только во время отпуска в этом году (1938) я попытался снова написать ее, и вот результат. По стилю и, возможно, по эмоциям она не та же самая, однако ее смысл и дух несомненно остались неизменными".

Но опубликовать эту повесть не было никакой возможности: она написана на эсперанто, который в этом году был в стране запрещен. Здесь же в предисловии японский издатель Мине Йоситака замечает: "...в это время в Советском Союзе проходила яростная "большая чистка", и многие эсперантисты были арестованы и погибли". А сам Ерошенко в одном из писем говорит:

— Эсперанто у нас не в моде: все центральные эсперантские учреждения закрыты, и многие работники арестованы как шпионы и предатели."

А Зинаида Ивановна Шамина вспоминает, что боялась за Василия Ерошенко: ведь только связь с границей уже каралась. Но, увидев его в 1938 году веселого, обрадовалась, что репрессии его не коснулись.

Итак, что представляет собой "Трехходовая шахматная задача", которую удалось опубликовать за рубежом в "Эсперанта Лигило" только в декабре 1947 года!

В повести много описаний быта чукчей, их духа, мировоззрения, противоположных тому, что им насаждалось. И Ерошенко от лица чукчей доказывает, что в их жизни много от настоящего коммунизма, от коллективизма: нужно "... не учить, а учиться у чукчей коммунизму". В этом отношении знаменателен случай с книгой Джека Лондона, выброшенной в море, так как там описаны "кровожадные типы и ужасные сцены", отсутствующие на Чукотке. Отрицательным персонажем во всех отношениях выведен партиец-аптекарь, "европейски воспитанный человек".

Почти всё повествование идет вокруг этого неприятного типа. Это был карьерист, говоривший "всегда с апломбом и громче, чем надо, прозванный чукчами "аммиак..."

В его лице высмеивается вообще узаконенное значение партийной ячейки и органов ГПУ, да и вся советская культурническая система.

Конечно, такая повесть до сих пор с трудом пробивает дорогу к читателю.

Полностью повесть опубликована мизерным тиражом по Брайлю в Литве, а альманах "Собеседник" отважился напечатать в русском переводе только первые две главы из десяти...

Положительным же героем, выведенным автором с любовью и симпатией, является молодой чукча Нерултенг. Между прочим, следует заметить, что многое автором взято из жизни. Были и взрыв снаряда, упомянутый Т.З. Семушкиным, существовал фармацевт или врач, столь адиозная фигура на культбазе.

Написать такую, в общем, невеселую и язвительную повесть мог человек, испытавший и на Чукотке невзгоды. Автор для себя видит только один выход: погружение в вечный сон...

1941 год. Новая беда — война. Застала она Василия Яковлевича в Обуховке, где он проводил свой очередной отпуск. Сложившаяся сложная обстановка на железнодорожном транспорте не позволила ему вовремя вернуться к себе в Кушку.

Он опоздал к началу учебного года и с трудом добрался только в октябре.

По пути Ерошенко попадал под бомбежку. Всё это вспоминал В.О. Бродо. Еще он поведал кое-какие факты, подробности из жизни Кушкинской школы.

Василию Яковлевичу вскоре пришлось отлучиться в Ашхабад: пришла весть, что погиб брат Александр. Как ветеринар он находился среди нескольких милиционеров по экспроприации лошадей для нужд армии. Вся группа людей с животными была захвачена людьми, которых с времен гражданской войны здесь называют басмачами.

Ерошенко вместе с работниками ГПУ искал следы пропавших, но не нашел ни трупов людей, ни лошадей. Для Василия Яковлевича эта трагедия была огромной травмой.

Война же принесла большие трудности и заботы: проблемы с питанием, топливом и плотной бумагой ученикам для письма брайлевским шрифтом. Кстати, случай с топливом описан в небольшом рассказе Владимира Пу "Видение". Замерзая, дети в отсутствие Василия Ерошенко, сожгли его книги и рукописи. Эта была первая гибель его архива, последующие еще впереди. Сам же рассказ о действительно существовавшем кушкинском ученике Дурды, которому привиделось солнце и жеребенок. А тут еще

осенью 1941 года в приюте началась склока, подсиживание: директором школы захотел стать учитель по труду Антон Александрович Иванов. Вызвали комиссию из района, области, и этот Иванов специально запустил в столовую собак, которые там нагадили.

И комиссия пришла к выводу, что директором должен быть зрячий. Прислали женщину Ольгу Осиповну Полякову, а Ерошенко стал просто учителем. А.А. Иванов же вскоре умер (март, 1942 г.) от туберкулеза, оставив беспомощную жену Марию Ивановну с тремя девочками...

С Поляковой у Ерошенко были неприятности, скандалы: он защищал учеников, живших впроголодь, а она воровала школьные продукты, устраивала кутежи с военнослужащими... И ее сняли с работы. А в конце 1942 года директором стал Анатолий Федорович Соловьев, хотя он и был незрячим, эвакуированным из блокадного Ленинграда. У Ерошенко с ним тоже были неприятности.

Все эти дразги и перемены, видимо, подействовав на Ерошенко так, что у него могло явиться желание все бросить и даже покинуть страну. По некоторым сведениям, не зря он знакомится с языком пушту, а Э. Галвин располагал сведениями, что Василию Яковлевичу захотелось "посмотреть", как живут афганцы, и он решил во время каникул перебраться через границу. Пограничники заметили, задержали, допросили и сказали, что вдоль границы не разрешается "шляться".

Через несколько дней Ерошенко предпринял вторую попытку. Наткнулся на тех же пограничников. Его узнали и более строго сказали: "Бросьте вашу выдумку. Вы нас не видите, а мы вас всегда заметим..."

Многие директорские хлопоты приходилось выполнять опять Василию Ерошенко.

Особенно при переводе детдома в другое место... Дело в том, что завхоз школы Платон Ефремович Ступко имел близких родственников около города Мары, и вместе с Соловьевым они похлопотали перед начальством о, по существу, ненужном переводе школы, якобы, чтобы она была подальше от пограничной зоны.

11-го ноября 1943 года детский дом покинул Моргуновку. Учеников и всё имущество перевезли в колхоз "КИМ" аула совета Чамтепе на станции Семенник Мургабского района (тогда рассказе Владимира Пу "Видение" Сталинского), в 18-ти километрах от города Мары. Началось трудное обустройство. Неожиданно супруги Соловьевы уехали, и директором назначили Татьяну Николаевну Овчинникову. Подробности жизни Ерошенко в течение полутора лет в Семенниках отсутствуют.

О жизни же под Кушкой и особенно ярко переезд в Семенники описан в повести Альберта Поляковского "Слепой пилигрим". В книге и остальная жизнь Ерошенко описана в придуманных "письмах", но весьма много о слепоте вообще, о Боге и другом довольно постороннем.

Воспитанники Василия Ерошенко в большинстве своем устроили свою дальнейшую жизнь хорошо: стали учителями, руководителями, рабочими ... Бывшие ученики помнят Василия Яковлевича только добрым и справедливым. Все его очень любили как близкого и родного человека. Вспоминают, как он часто с нежностью возился с малышами. Яркое подтверждение этому — известная школьная фотография, на которой Василий Яковлевич сидит с маленькой девочкой на коленях.

Это Айча Кулиева, которую он буквально вынянчил. Ныне она живет в городе Байрам-Али и всегда с благодарностью вспоминает свое детство в детдоме и любимого учителя..

Все кушкинцы до сих пор вспоминают Василия Яковлевича как настоящего подвижника, предельно бескорыстного и правдолюбца, отдававшего всю свою душу подопечным.

Они всегда чувствовали его уважение к себе, родительскую заботу и любовь.

Сам же Ерошенко летом 1945 года оставил интернат, но держал со многими питомцами связь, навещался к ним в качестве дорогого гостя. Так, например, известен печальный случай, когда Ерошенко в 1948 году посетил школу в Семенниках, где оставался его второй архив. И опять Василия Яковлевича постигло огорчение: все его книги и

рукописи были уничтожены! Над его трудами и, вероятно, творчеством нависал тяжелый рок.

С теплым краем Средней Азии полностью Ерошенко не расставался: его там привлекало обилие и дешевизна фруктов и овощей, хотя климат и был тягостен: он там часто страдал от приступов тропической лихорадки, подцепленной еще в молодые годы в странах Востока.

12. Последние годы.

Новая жизнь Ерошенко после Туркменской эпопеи началась с печального происшествия. Сестры рассказывали об этом с возмущением и о тех типах, которых трудно назвать людьми. Дело в том, что после войны в 1945 году Василий Яковлевич из Туркмении ехал сперва в Обуховку. Под видом проверки багажа: "Что везешь?" у него взяли два чемодана, где были гостинцы, деньги и паспорт. Вскоре чемоданы ему вернули и еще помогли поставить их на место.

Позже, когда ему понадобилось открыть чемодан, там оказались кирпичи, в другом — то же....

Подобное с Василием Ерошенко случалось и раньше. Так, еще до войны по пути в Обуховку он вез на гостинец бидон с медом. При посадке из вагона кто-то ему "помог", и бидон исчез.

Проведя лето в Обуховке, Ерошенко направляется в Москву. Это время вспоминает З.И.Шамина:

— Моя встреча с Ерошенко в 1945 году была трогательной и очень горячей: мы во время войны даже не переписывались. Ведь письма по Брайлю были запрещены, так как в органах цензуры не было соответствующих специалистов. Об этом официально объявлялось в газетах...

В Москве его постигла жилищная проблема: ни прописки, ни жилья. Уезжая из столицы еще в 1934 году, он в свою комнатуху, в так называемую Солодовку (теперь ул. Гиляровского, 65), где жил с 1908 года, пустил временно пожить незрячих молодоженов. Да и какая это "квартира"? Просто конура! В углу большого кирпичного дома, с дверью прямо на улицу, комнатуха, всего в четыре с половиной квадратных метра!.. Откидной стол и откидная кровать с другой стены.

А чтобы дать ночлег приехавшему гостю, знакомому или просто какому-то незрячему, нуждающемуся переспать под крышей, Ерошенко соорудил еще палаты. Конечно, никаких удобств!.. И всё же такой квартиры и возможность прописки он лишился:

к этому времени проживавшие жильцы без ведома Ерошенко сумели обменять это жилье, и там оказались новые хозяева.

Василию Яковлевичу пришлось искать место жительства и работы вблизи Москвы.

Он устроился в Загорской музыкальной школе-интернате для военноослепших, (созданной решением Исполкома Мособлсовета от 18 октября 1944 года и проработавшей до 1951 года. Учащиеся, жившие на полном государственном обеспечении, изучали курс по программе музыкального училища. Выпускники школы помнят имена своих замечательных педагогов: Г.И. Шамина и З.И. Шаминой, Р.Н.Маслова, В.Я. Ерошенко, И.М. Папкина и Б.Ф. Бойченко. — "Наша Жизнь", №6/2007, с.120 пш, из статьи В. Розанова "Новая власть - новые условия").

В этой школе Ерошенко провел только один учебный год, 1945-1946, преподавал брайлевскую грамоту, русский язык и литературу.

Хорошо, что З.И. Шамина сообщила мне, автору этого повествования, об этом и где именно находится эта Загорская школа. Оказывается, она не в самом Загорске, а в каком-то бывшем монастыре у деревни Коляевки!

И я направляюсь туда. Узнав дорогу у постового ГАИ, не доезжая Загорска около десяти километров, сворачиваю на своем "Запорожце" вправо с Ярославского шоссе, проезжаю

селения Лоза, Чураково и поселок Птицеград из трех десятков крупных домов городского типа.

Вот и Коляевка, возле которой попадаю в монастырь. но там расположена воинская часть. А через овраг — другой монастырь и тоже с крепостными стенами из красного кирпича. Всюду веет седой стариной, своеобразной красотой...

Это и оказался Черниговский монастырь, где в мое посещение существовало Загорское профессиональное техническое училище-интернат с адресом "Загорск-7". Директор школы ничего не знает о Ерошенко: человек "новый".

Но он позвал Марию Никифоровну Зарубину, работавшую здесь уже двадцать шесть лет в качестве заведующей фельдшерским пунктом. Она вспомнила Ерошенко!

Сказала много теплых слов о нем. Вспоминает, как он чудесно ориентировался: ходил один из Загорска сюда пешком через шаткий мостик, как никто из слепых...

А ее муж Борис Иванович, сам из военно-ослепших, учился в 1946 году в этой же школе. Он сообщил, что Василий Ерошенко приезжал сюда частенько и потом: ведь тут он был прописан, оставались новые друзья.

Б.И. Зарубин хорошо запомнил концерт в школе в октябре 1947 года: Василий Яковлевич выступал на этом концерте с чтением былины Алексея Константиновича Толстого "Садко". Как он декламировал! Будто и сейчас слышен его голос, измененный под бас, и замедленность речи, когда он читал слова водяного царя:

Садко, мое милое чадо,

Поведай, зачем так печален твой вид?

Скажи мне, чего тебе надо?..

И особенно задушевно, до слез, почти шепотом и раздумчиво произносил он слова самого Садко:

Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!

Прилечь хоть на ворох соломы!

И тем выразительнее в другом месте:

Давно так не видно мне божьего дня...

Отсюда и пошло одно из прозвищ Василия Яковлевича среди его друзей - Садко.

Так и говорили о нем: "Ерошенко - наш Садко!.."

Михаил Леонидович Клюги при нашей встрече сообщил, что он был там завучем, но ничего особенного не мог вспомнить о Ерошенко. Во время его короткого, с полгода, учительства в интернате событий не было, и еще промолвил, что Ерошенко сам из-за какого-то конфликта уволился.

Собрав следы Василия Ерошенко, я направился прямым путем через недавно отремонтированный приличный мост не то через реку, не то через пруд к Загорску.

Проехав всего четыре километра, мой "Запорожец" выехал на главную улицу Красноармейскую прямо к главным воротам Троице-Сергиевской лавры. Не грех было ее еще осмотреть и, кстати, поставить свечку в память Василия Яковлевича Ерошенко...

Следующим этапом поиска была Московская школа-интернат для слепых детей, приемница того приюта, где в начале XX века учился сам Ерошенко.

С первого октября 1946 года он работает в этой школе, которая в годы 1927-1948 носила громкое наименование "Московский институт слепых детей".

Здание школы на Первой Мещанской (проспект Мира, 13) во время войны заняла для своих нужд комендатура, и не было никакой возможности его вернуть слепым...

Попал Ерошенко в московскую школу, когда она только восстановилась после войны.

И она ютилась в совсем не приспособленном и убогом доме в Сокольниках, а именно, на Первом Вышеславцевом переулке в Марьиной роще. Василий Яковлевич в этой школе был преподавателем английского языка. В бытовом отношении он далеко не устроен: Прописан в Загорске, и трудно хлопотал о московской прописке, ночуя на диване в учительской. Согласно воспоминаниям бывших учеников того времени

В.Г.Першина, В.А. Глебова и других, Ерошенко часто с ними вместе проводил свободное время в Сокольническом парке, а летом купался с ними в Оленьем пруду, удивляя всех особенно в продолжительном нырянии. Правда, теперь они вспоминают, что слишком злоупотребляли отсутствием у него строгости и казенности на уроках и вели себя довольно шумно и свободно. За всё это к нему придиралось школьное начальство, выговаривали и за "особую" методику в обучении английскому языку.

Вместо зубрежки грамматических правил и чтения текстов с переводом, он учил больше устной речи, разговаривать на бытовые темы, обращая внимание на произношение и интонацию, а не на грамматическую правильность фразы. В дальнейшем, когда многие его воспитанники учились в высших учебных заведениях, то удивляли преподавателей своим хорошим английским языком и преодолением так называемого "языкового барьера". Они свободно владели речью в пределах пересказов текстов и в диалогах.

Ученики Василия Яковлевича вспоминают и сейчас его методику с большой благодарностью. К сожалению, свой талант педагога-новатора Ерошенко не смог до конца воплотить в своей практической деятельности. Были и тогда бюрократические рогадки.

У Василия Яковлевича Ерошенко, конечно, не было официального документа о соответствующем образовании, не было диплома учителя...

По воспоминаниям З.И. Шаминой, он "не пришелся ко двору" и вынужден был оставить свою деятельность в московской школе, проработав там только два учебных года, до 16 апреля 1948 года.

В этом же году Ерошенко принял участие в республиканском съезде слепых Узбекистана. Потом проведаль некоторых своих бывших кушкинских воспитанников, друзей, побывал в Ашхабаде и других местах. А, вернувшись в Москву, продолжал хлопотать о жилплощади и прописке.

По некоторым воспоминаниям московских друзей, у Ерошенко были какие-то трения с НКВД. Ему предлагали быть осведомителем: мол, будешь находиться в гостинице "Москва", слушать беседы или телефонные разговоры иностранцев и сообщать нам.

Но Ерошенко от такой "работы" категорически отказался. Вероятно, его всячески соблазняли и даже в феврале 1949 года удовлетворили ходатайство о прописке пока только на шесть месяцев. Несмотря на это и взвесив все обстоятельства, он вынужден снова покинуть Москву. В апреле он уехал сначала в Обуховку, а поздней осенью — в Ташкент, на столь ему любимый юг.

И здесь Ерошенко числится с 12 декабря 1949 по июль 1951 года учителем в школе ликбеза слепых. Подробностей жизни в течение этих полутора лет нет.

С наступлением лета 1951 года у Ерошенко созрело желание снова побывать на дальнем Севере, отдохнуть от изнурительной среднеазиатской жары.

И еще одна мысль не давала ему покоя, это судьба младшего брата Ивана.

О нем сестры предпочитали не распространяться: стеснялись говорить, смущались и даже негодовали. Проскользнуло только упоминание, что тот был судим, осужден на пять лет за спекуляцию, за то, что теперь именуется "мелкий бизнес".

Тогда же легко было вообще попасть в тюрьму, и существовала особая статья за мелкую торговлю. Сестры Василия Ерошенко утверждали, что Ивана освободили досрочно, но он сам остался где-то на Севере и, вероятно, завел там новую семью, укрываясь от алиментов. И, вполне возможно, что у Василия Яковлевича было желание найти следы брата и как-то урезонить его и просто поведать... Так созрел план поездки в Якутию.

Об этой поездке в книгах и статьях имеются только очень краткие упоминания. Наибольшая информация есть в книге А.С. Харьковского "Человек, увидевший мир":

"В 1951 году — новое путешествие, на этот раз по Якутии. У него была идея — поселиться там в колонии для прокаженных, остаток своих дней посвятить этим несчастным. Однако болезнь помешала осуществлению этих планов. Ерошенко мучили сильные боли в желудке".

Здесь всё верно, за исключением последних строк о причинах, почему Ерошенко не остался в Якутии. Это уже домыслы автора.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале "Труд слепых" (1961, #7), бывшая ученица Ерошенко по школе в Кушке Зинаида Токаева пишет: "Последний раз мы встретились в Ташкенте, где он преподавал в вечерней школе для слепых.

В июне 1951 года Василий Яковлевич брал билет на поезд куда-то в Сибирь, а я уехала на Украину". Здесь, видимо, память мемуаристку немного подвела.

Существует официальный документ, датированный седьмым июля 1951 года, утверждающий, что Ерошенко в то время еще находился на работе в Ташкентской школе ликбеза. Кстати, эту дату приводит А.С. Харьковский в своей книге как окончание деятельности Ерошенко в Ташкентской школе, что весьма спорно.

Скорее всего, он в июле взял только отпуск. А после поездки в Якутск вернулся сразу в Ташкент на работу. Сестра Ерошенко Мария Яковлевна Безуглая в своих воспоминаниях, опубликованных в первом русском сборнике произведений Ерошенко "Сердце орла" пишет: "Уже больным человеком поехал в Якутию, чтобы послушать, как он говорил, звуки тундры. Там он жил среди лесорубов, охотников, пастухов оленей".

Здесь всё переполнено неточностями. Даже окончание фамилии мемуаристки искажено.

Ее мемуары не могут приниматься всерьез уже потому, что в них есть грубое искажение в отношении поездки Ерошенко на Чукотку, которая у М.Я. Безуглой слишком ассоциируется с челюскинской эпопеей. А Ерошенко был на Чукотке за четыре года до этого знаменательного события.

При встрече с автором этих строк о цели поездки в Якутию Мария Яковлевна говорила, что ему хотелось послушать тайгу и узнать ее. Ее зять Дмитрий Федорович Сидоренко об этом вспоминал более подробно: "Ерошенко видел тайгу по-своему. Рассказывал больше о звуках, шуме ветвей и листьев, столах деревьев. А какая, мол, трава и огромные красивые цветы! Но последние без запаха... И так он рассказывал восхищенно, что, только побывав в тайге, он теперь узнал всё величие, огромность и красоту Родины!.."

Итак, в воспоминаниях Марии Яковлевны слово "тундра" явно надо заменить "тайгой", а остальное — всё "от лукавого". Даже замечание о болезни под вопросом, так как он ехал туда в надежде на устройство новой жизни.

А свою роковую болезнь почувствовал только в конце 1951 года. Узнал же о ней окончательно только летом 1952 года. В уже упоминавшейся справке Ташкентского областного отдела общества слепых от седьмого июля 1951 года указано, что эта справка дана для получения пенсии. Вполне можно предположить, что Ерошенко в этот же день получил свои 262 рубля (старыми деньгами), взял "билет на поезд куда-то в Сибирь" и на другой день утром направился в путешествие. "Куда-то" расшифровывается просто: в то время это была конечная станция Усть-Кут на ветке от Транссибирской магистрали, отходящей от Тайшета.

На этой конечной станции (от нее сейчас начинается БАМ) имеется крупный речной порт Осетрово. От него вниз по Лене идут пароходы...

Возможно, и в 1951 году существовал, как и сейчас, удобный поезд "Ташкент - Иркутск", который и доставил Ерошенко через трое суток с небольшим до станции Тайшет, где он смог сделать пересадку на поезд до Усть-Кута. Это еще 723 километра или около шестнадцати часов езды поездом. Весь железнодорожный маршрут великоват и пролегал через такие крупные города, как Алма-Ата, Семипалатинск, Барнаул, Новосибирск, Красноярск.

Столько же времени (четверо суток) пароход шел от Осетрово до Якутска, куда Василий Яковлевич, вероятно, числа 15 или 16 июля и прибыл.

После поездки по железной дороге в бесконечной тряске, духоте, тесноте, толкотне и шуме наступил по-настоящему чудесный отдых на пароходе. Тишина и наслаждение

чистым воздухом, запахами бесконечной тайги, плеском речной волны и плачем чаек — всё это было так непривычно и чудесно за последнее десятилетие трудной жизни.

К этому надо прибавить вероятные рассказы спутников о красоте безлюдных до дикости берегов величественной реки, о знаменитых Ленских столбах и редких населенных пунктах, таких как Киренск, Пеледуй, Олекминск и Покровское.

Далее рассказ о пребывании Василия Яковлевича Ерошенко в Якутске можно продолжить по воспоминаниям очевидцев. Беседа при встрече с якутами Прокопием Петровичем Романовым и Афанасием Дмитриевичем Старостиным в Кисловодске в 1971 году, а также письменные воспоминания Г.А. Слепцова и Н.М. Эверестова дают довольно полную картину пребывания Ерошенко в Якутске.

Утром, прямо с парохода, с рюкзаком за плечами Василий Яковлевич направляется в местную организацию Всероссийского общества слепых с письмом к Гавриилу Алексеевичу Слепцову, который в то время заведовал красным уголком ВОС.

Ерошенко представился ему журналистом, сотрудником журнала "Жизнь слепых" и любителем путешествовать. Для Г.А. Слепцова знакомство оказалось интересным, и они быстро подружились. Узнав, что Ерошенко хотел бы устроиться здесь, в школе слепых, учителем английского языка и что он является редактором учебника этого языка для 4-5 классов, Г.А. Слепцов был удивлен. Потом, в отсутствие Ерошенко он перевернул всю воеводскую библиотеку, чтобы найти этот учебник. И нашел!..

После небольшого отдыха Василий Яковлевич отправился знакомиться с городом. Якутск того времени был сравнительно небольшим.

Состоял он почти исключительно из деревянных зданий, дощатых тротуаров, а улицы были вымощены торцами чурок. Не было тогда и ни одного деревца...

И всё же, вернувшись вечером, Ерошенко похвалил город: для слепых он весьма удобен. Его кварталы расположены в шахматном порядке, не заблудишься...

Г.А. Слепцов вспоминает, что вечером опять у них были "разговоры о жизни, быте, нравах". А на другой день они вместе "...ездили на городской рынок. Покупали голубицу и тут же пробовали ее. Гостю всё нравилось, хвалил нашу нежную красавицу, сладкую, как виноград, ягоду".

На третий день пребывания в Якутске Ерошенко отправляется в школу-интернат для слепых детей. Находилась она тогда довольно далеко от города: на другом берегу Лены, в селе Долдинцы (Доллу) Магино-Кангаласского района.

Это была 8-летняя школа. Сама территория Долдинцев — это что-то вроде дна бывшего озера размером один на два километра. А кругом — вековая тайга и горы.

Здесь Ерошенко пробыл пять дней. Директором школы тогда был Алексей Матвеевич Балкаев, который организовал общество слепых в Якутске в 1932 году.

Просьба Ерошенко о работе в школе в качестве необходимого здесь учителя английского языка не была удовлетворена. Видимо, ничто не могло уломать закаленного номенклатурщика: ни справка о преподавательской деятельности в Московской школе, ни привезенный экземпляр учебника английского языка, ни пятидневное дружеское общение с воспитанниками здешней якутской школы...

Причина одна: у Ерошенко не было диплома с официально присвоенным званием учителя средней школы. А в 1922 году ему ничто не помешало стать профессором Пекинского университета! На краю же света, в далекой Якутии всё дело уперлось в чистую формальность, в бумажку.

Тогдашние воспитанники Якутской школы слепых вспоминают, как им понравился необыкновенный приезд. Ерошенко играл с ними в шахматы и ходил на экскурсии по окрестностям. Так, Прокопий Петрович Романов, которому в то время было лет пятнадцать, вспоминает, что играл с ним две партии в шахматы и обе проиграл. И еще П.П. Романову запомнился великодушный поступок Ерошенко.

Мальчику выдали тесноватые ботинки. Василий Яковлевич продал их на базаре и купил там другие посвободнее. И всё-таки они натерли ногу, он не мог отправиться со всеми на

экскурсию, чем был очень огорчен. Видя это, Василий Яковлевич достал из своего рюкзака легкие сандалии и отдал их мальчику.

Сандалии оказались впору и как раз по сезону, чему парень был очень рад.

Вернувшись в Якутск, Ерошенко пробыл в городе еще три дня. Вместе с Г.А. Слепцовым они ходили в Минздрав ЯАССР. Василий Яковлевич интересовался закрытым лечебным учреждением больницы-лепрозорием, находившимся тогда в Вилюйске. Но никаких сведений ему не дали: якобы их не оказалось.

А скорее всего они были "секретными", как всё в то время... Поехать в Вилюйск для Ерошенко было весьма сложно. Ведь это почти 600 километров по Вилюйскому тракту на попутном транспорте! Вполне возможно, что Василий Яковлевич имел желание посвятить себя милосердию в отношении отверженных и предлагал свои услуги в качестве воспитателя или "брата милосердия", но безуспешно.

Точных сведений об этом не имеется.

Г.А. Слепцов заканчивает свои воспоминания теплыми словами о Ерошенко, оставившего о себе приятную и светлую память как о простом и отзывчивом человеке.

Николай Максимович Эверестов отмечает, что Ерошенко подробно ознакомился с 20-летней историей жизни общества слепых Якутии, а также с историей Якутской АССР, якутским языком и местной литературой. Важно, что Н.М. Эверестов указывает точную дату отъезда Ерошенко из Якутска — 27 июля 1951 года. Вполне вероятно, Василием Яковлевичем была описана жизнь слепых в Якутии, но точных сведений об этом нет, и таких публикаций в журнале "Жизнь слепых" не появлялось. Да и не мудрено. Попасты на страницы родного журнала ему было не просто: там хозяйничал Ф.И. Шоев, его недруг. Он всячески препятствовал литературной и публицистической деятельности Ерошенко, считал его своим соперником в этом деле.

Может быть, поэтому воспоминаний Ерошенко о своем пребывании в Якутии не сохранилось. И приходится все представлять по рассказам людей, видевших его.

Те десять дней, которые провел Ерошенко в Якутске, были очень малым отрезком его удивительной жизни. Только случайные обстоятельства помешали связям неординарного человека с далеким экзотическим краем — Якутией.

Следов же брата Ивана Василий Ерошенко, видимо, не обнаружил. Во всяком случае об этом нигде и никто не упоминал. Дальнейший путь Ерошенко привел его опять к друзьям в Москву. Вероятно, здесь он почувствовал себя неважно. Боли в желудке заставили его обратиться к врачам, к обследованию, и он услышал знакомое ему латинское слово "канцер"...

Хотя и продолжали у него созревать новые мечты и планы о работе и путешествии пешком от Обуховки до Владивостока и т. п. Лион Фейхтвангер о подобных судьбах как-то сказал: "У каждого из нас своя доля: чем лучше человек, тем она труднее".

Василий Яковлевич понял, что дни его сочтены. Новый 1952 год встречал в кругу своих близких друзей на квартире З.И. Шаминой. Это был последний в его жизни праздник.

Вскоре после этого Василий Яковлевич прибыл в Старый Оскол и остановился у родственника В.А. Ковалевского.

Из его писем к своим ученикам в Туркмению, Меридику и Нуруму мы видим, что в феврале он был еще в Старом Осколе:

"Все эти дни я хотел прорваться к себе в Обуховку, но машины не ходят: то метели, то оттепель, то морозы..."

Надо подчеркнуть, что, добравшись до Обуховки, он был совершенно спокоен и не испытывал боязни смерти. По словам Веры Ивановны Сердюковой и из письма к Д.А.Алову, Василий Яковлевич просил ее не плакать, говоря:

— Я очень рад, что умираю. Я устал от напряженной жизни, всегда осторожность требуется...

Паники не было, а были только планы о работе и еще заботы о пенсии.

Побывав в Обуховке, он проведывает сестер. В марте Марию. В письмах пишет:

"С седьмого по тринадцатое я жил в Харькове у профессора (муж Марии — А.П.), но не нравится профессорский образ жизни. Я с радостью уехал оттуда".

Затем он отправился в поселок Холодная Балка к Неониле. Из другого письма:

"Здесь день и ночь гудит шахтерский вентилятор, и, кажется, шахта стонет, пахнет углем и хочется открыть дверь, или окно. Здесь я жить не буду. Я снова готовлю письмо насчет пенсии, теперь в газету "Труд". Вероятно, ничего не выйдет, но я хочу, чтобы вопрос о пенсии с детства принял общественный характер. Сто пятьдесят мне не хватает. Начну снова устраиваться где-нибудь".

Добраться до Обуховки от сестры Неонилы Василию Яковлевичу помогла вызванная племянница Вера Ивановна. А в письме от 31 мая Ерошенко сообщает, что 16 мая он находится в Обуховке. И далее: "...у меня разболелся желудок, он совершенно отказывается работать (...), я чувствую постоянную боль в левой стороне груди. Как будто сердцу тесно, и хочет раздвинуть ребра..." И в конце: "...я никуда не хожу, и ходить некуда.. У нас двор разгорожен, из сарая сделали мусорную свалку. Сарай развалился при первой буре (...), я лежу целыми днями".

Но, по словам сестер, он почти до последних дней что-то писал, устроившись на чердаке, где находились его книги. В октябре он послал друзьям Алову и Шаминой свою последнюю фотографию так ярко описанную З.И. Шаминой в ее воспоминаниях, но с неточностями : ведь Зинаида Ивановна о снимке судит со слов других, сама-то тоже незрячая... Да, общий вид Василия Яковлевича, можно сказать, спокойный. Но подушка за спиной и на половину головы поддерживает прямоу и твердость посадки в кресле. Слегка нахмуренные брови и сжатые губы несколько выражают презрение к приближающейся смерти.

Длинные и узловатые пальцы, сцепленные между собой, спокойно лежат на стопке листов рукописных с выпуклым шрифтом по Брайлю.

Одет он поверх темной рубашки со стоячим воротником в теплую и свободную тужурку, больше похожую на халат, застегнутый на все пуговицы до верха.

Фотография выполнена 13 октября 1952 года. В письме к Шаминой он писал:

"... пока я шлю тебе окончание чукотской сказки, начало которой ты уже имеешь..."

И еще: "Сейчас я намерен записать начисто "Корейскую сказку"..."

И просит о продаже японских грампластинок: "Мне они больше не понадобятся, но деньги всегда нужны..."

Д.А. Алов в своих воспоминаниях в письме к В.Н. Рогову пишет:

"В ноябре я получил от него последнее письмо. (...) Будучи идеально грамотным, Василий Яковлевич наделал в этом письме много ошибок, а конец письма разобрать было совершенно невозможно".

Из беседы с родственниками и другим ближним окружением еще известно, что он последние дни почти ничего не ел, говоря: "зачем кормить этот рак?.."

Последние же три дня, когда он отослал последнюю рукопись в Москву, совсем ничего в рот не брал. Умер он 23 декабря 1952 года.

Нет! Он с нами: он бессмертен!.. Из забвения его воскресил В.Н. Рогов, японец Такасуги Ичиро (Огава Горо), украинская писательница Надия Андрианова-Гордиенко, А. Харьковский, А. Поляковский, Р. Белоусов, Э. Пашнев и многие другие.

Дальнейшие статьи и книги о нем, скульптурные портреты, музейные экспонаты не дадут погаснуть душе Василия Яковлевича Ерошенко никогда...